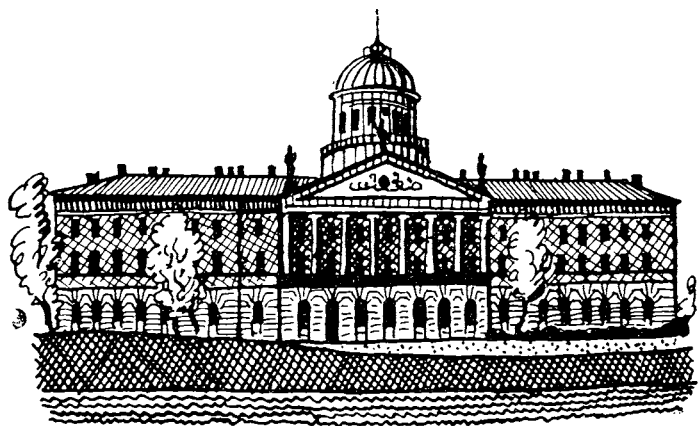

А. Н. СТЕПАНОВ

**У КНИГ
СВОЯ
СУДЬБА...**

А. Н. СТЕПАНОВ

У КНИГ
СВОЯ
СУДЬБА...

ЛЕНИЗДАТ · 1974

Автор этой книги кандидат филологических наук Анатолий Николаевич Степанов, долгие годы заведовавший библиотекой Пушкинского дома, рассказал о том, как собиралась эта библиотека, какие редкие издания и книжные коллекции хранятся в ней сейчас, какие интересные истории связаны с приобретением ценных книг, с дарственными надписями великих писателей и о многом другом.

ПУШКИНСКИЙ ДОМ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В Ленинграде на набережной Макарова находится широко известный в стране Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Он возник в конце 1905 года. Своим рождением старейший в нашей стране литературоведческий институт обязан передовой русской интеллигенции, выступившей с настоятельным требованием создать мемориальный памятник Пушкину в виде научного академического учреждения его имени, призванного собирать и изучать наследие великого поэта и всю русскую литературу.

С первых дней создания Пушкинского дома в Пантеон русской литературы, как образно называли его в то время, начали постепенно стекаться документы, музейные предметы и книжные собрания. Успеху собирательной деятельности Пушкинского дома способствовали его основатели — видные ученые, знатоки и ценители историко-литературных памятников Б. Л. Модзалевский и Н. А. Котляревский, а также их многочисленные добровольные помощники.

До 1917 года Пушкинский дом являлся по существу скромным академическим учреждением архивно-музейного типа. Он не получал необходимой материальной поддержки от государства, не имел своего

помещения. Его деятельность во многом зависела от энтузиазма его устроителей, от бескорыстия даропринесителей.

Новую страницу в истории Пушкинского дома открыла Октябрьская революция.

20 апреля 1918 года постановлением Академии наук Пушкинский дом (музей, рукописное отделение и библиотека) был официально зачислен в число научных институтов, «входящих в состав академических учреждений на правах, определяемых особым уставом». В Пушкинский дом стали систематически поступать документальные материалы, архивы писателей, издательств, мемориальные предметы, художественные, критические и периодические издания, картотеки и библиотеки известных ученых-филологов, историков, писателей, искусствоведов и библиографов. Для размещения коллекций и научных отделов в 1927 году Пушкинскому дому было предоставлено здание на Тучковой набережной — ныне набережная Макарова, 4.

В 1930 году Пушкинский дом был преобразован в Институт новой русской литературы. Непосредственное участие в его реорганизации, в разработке научной проблематики принимали М. Горький, А. В. Луначарский, А. Н. Толстой. С 1949 года Пушкинский дом получил современное наименование: Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Сегодня он обладает богатейшими и редчайшими мемориальными и книжными коллекциями. Они относятся не только к Пушкину, но в значительной мере ко всей истории русской литературы, начиная от ее рождения до настоящего времени.

В фонде рукописного отдела института, насчитывающем свыше 500 000 единиц хранения, сосредото-

Здание Института русской литературы (Пушкинский дом)
АН СССР.

чено несколько миллионов листов рукописного текста. Среди документального собрания отдела находятся автографы произведений и писем выдающихся русских и западноевропейских писателей, известных ученых, общественных и политических деятелей: И. А. Крылова, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, К. Ф. Рыльева, Н. А. Добролюбова, А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, Вольтера, И. Гете, Ф. Шиллера, Д. Байрона, В. Гюго, О. Бальзака, А. Дюма, Э. Золя и многих других. Рукописный

отдел является единственным в нашей стране хранилищем, где сосредоточены в основном все дошедшие до нас автографы А. С. Пушкина, а также связанные с ним документы. Здесь находится и его личная библиотека.

Литературный музей Пушкинского дома представляет собой крупнейшее в Ленинграде собрание по русской литературе, в которое входят свыше 160 000 самых разнообразных мемориальных предметов, иконографических и иллюстративных материалов. Многие из них — это бесценные памятники русского портретного и изобразительного искусства, принадлежащие кисти И. Е. Репина, А. А. Иванова, И. Н. Крамского, М. А. Врубеля, Н. Н. Ге, В. А. Серова.

Богатейшие коллекции музея позволили ему развернуть для посетителей Пушкинского дома постоянные экспозиции, посвященные жизни и творчеству Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Гончарова, Горького, Блока, Маяковского, Есенина.

Уникальнейшим книжным собранием в нашей стране является библиотека Пушкинского дома. Вместе с рукописным отделом и литературным музеем она составляет ту фундаментальную научно-вспомогательную базу, на основе которой успешно развивается пушкиноведение, текстология и издания классиков, исследования о классическом наследии и русской советской литературе, изучение древнерусской литературы и русского народного творчества.

Как создавалась эта библиотека?

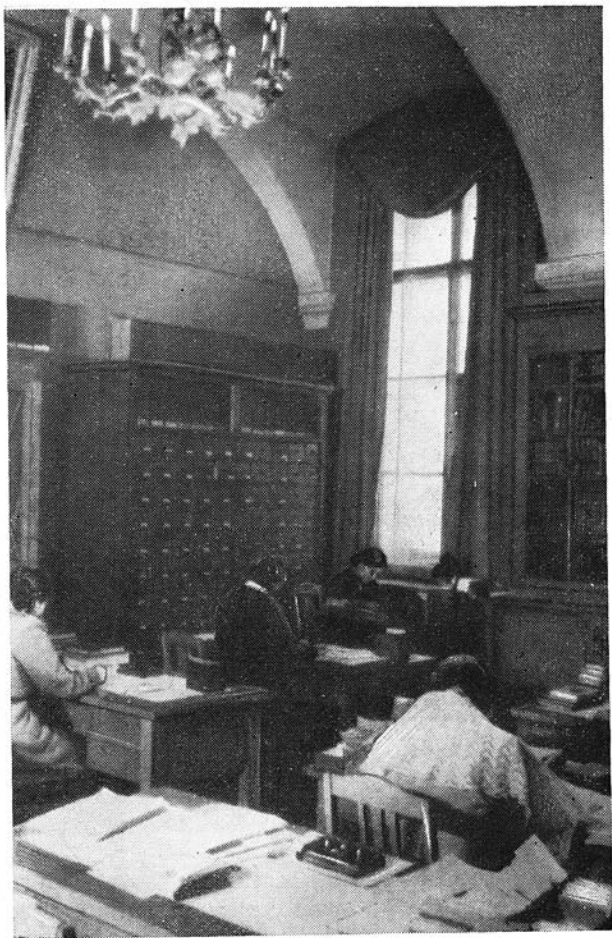
21 апреля 1906 года Российская Академия наук получила разрешение приобрести за счет казны личную библиотеку А. С. Пушкина с последующей передачей ее на хранение Пушкинскому дому. Для

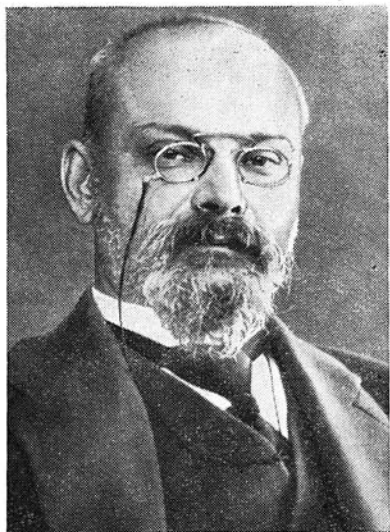
Библиотека Института русской литературы АН СССР.

покупки библиотеки, которая находилась в имении внука поэта Александра Александровича Пушкина в селе Ивановском, Бронницкого уезда, Московской губернии, был командирован научный сотрудник Академии наук Б. Л. Модзалевский. Ему было поручено договориться с владельцем библиотеки о ее передаче, произвести учет, опись книг и доставить их в Петербург. С этим поручением Модзалевский успешно справился. Составленная им подробная опись личной библиотеки поэта была издана в 1910 году.

Сохранившаяся до наших дней часть личной библиотеки А. С. Пушкина (около 3700 томов, 1523 названия) отражает необычайную широту и разнообразие читательских интересов поэта. В нее входят книги на 14 языках — художественные произведения в прозе и стихах, история литературы, критические сочинения, история русская и иностранная, книги по философии, языкознанию, этнографии, статистике, естествознанию, медицине и другие. Больше всего представлены в библиотеке Пушкина художественные произведения: летописи, исторические исследования и мемуары на русском и иностранных языках: Многочисленная литература, посвященная английской и французской революциям, свидетельствует о большом и глубоком интересе Пушкина к этим великим событиям. Около 50 книг из собрания поэта содержат его пометы и надписи, связанные с творческими замыслами, отражающие его мнения и суждения о прочитанном. Многие книги имеют дарственные надписи и дружеские посвящения Пушкину, принадлежащие Н. И. Гнедичу, Е. А. Баратынскому, А. Мицкевичу, В. К. Кюхельбекеру, А. А. Дельвигу, А. И. Тургеневу и другим.

Пушкинский кабинет библиотеки.

Н. А. Котляревский — первый директор Пушкинского дома.

Несмотря на то что Пушкинский дом по Положению, утвержденному в 1907 году, являлся государственным учреждением, он был лишен постоянной материальной базы и не финансировался казной. В том же Положении указывалось, что «средства на содержание Пушкинского дома составляют: из доходов с принадлежащих Дому капиталов и имуществ; из пожертвований; из сумм, вырученных от продажи изданий Дома, от устройства платных научно-литературных чтений, от входной в некоторые дни платы за обозрение собраний и проч.».

Таким образом, перед основателями Пантеона русской литературы встала трудная, подчас очень щекотливая проблема, связанная с бесплатным приобретением пушкинских реликвий, а также многих других документальных материалов и книг.

Единственное, на что могли рассчитывать сотрудники Пушкинского дома, это на готовность искренних почитателей поэта и любителей русской словесности безвозмездно передавать в дар Пушкинскому дому принадлежащие им рукописи, портреты, библиотеки и отдельные издания.

Особенно активную деятельность по сбору материалов развил в Петербурге и Москве Б. А. Модзалевский. Благодаря его усилиям еще до официального утверждения Положения в библиотеку Пушкинского дома начали стекаться в виде дарственных приношений книжные и другие музейные коллекции.

Вслед за библиотекой Пушкина в 1907 году от известного московского книголюбца и основателя Театрального музея А. А. Бахрушина поступило собрание журнальных и газетных вырезок пушкинской юбилейной литературы на 1619 листах.

В следующем, 1908 году появилась реальнейшая возможность приобрести замечательную библиотеку библиофила, издателя и пушкиниста, члена-корреспондента Академии наук П. А. Ефремова, вдова которого согласилась продать это уникальное собрание, насчитывающее свыше 32 000 томов, за умеренную, по сравнению с его истинной ценой, сумму.

Настойчивые хлопоты о предоставлении Пушкинскому дому требуемых средств не увенчались успехом. После долгих проволочек казна отпустила всего лишь 5000 рублей на приобретение рукописей и книг, относящихся только к Пушкину и его эпохе. Но к этому времени библиотека Ефремова как цельная коллекция уже не существовала. Она была продана вдовой Ефремова за 26 000 рублей петербургскому книгопродавцу Фельтену. Пушкинский дом, получив с большим трудом деньги, приобрел у Фельтена рукописи, коллекцию альманахов начала XIX века,

журналы первой половины XIX века, собрания сочинений русских писателей, сочинения по библиографии и истории русской литературы. Это была лишь часть коллекции Ефремова, но и она, безусловно, является одним из ценнейших собраний по истории русской литературы. В ней представлены прижизненные, редкие и спасенные от уничтожения произведения русских писателей XVIII—XIX веков, биографическая и критическая литература, множество книг с дарственными надписями их авторов. Наибольшую ценность среди этих последних представляет 3-томное издание стихотворений Н. А. Некрасова 1873 года. На шмуцтитуле первого тома — автограф поэта: «Петру Александровичу Ефремову. Н. Некрасов. 14 февр. 1874. СПб.». На вкладном листе вклеена фотография поэта с его подписью «П. А. Ефремову. Н. Некрасов». На обороте фотографии автограф стихотворения:

Взглянув чрез много, много лет
На неудачный сей портрет,
Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена Складчины¹.

19 марта 1874 г. Н. Некрасов

Следует также отметить характерную для Ефремова-собирателя черту — вносить в книги различные дополнения, исправления, те или иные замечания поясняющего и уточняющего характера. Многие из этих сведений он получал непосредственно от авторов или от близко знавших их. Нередко они являлись результатом собственных научных разысканий,

¹ Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874.

Портрет Н. А. Некрасова с его дарственной надписью
П. А. Ефремову.

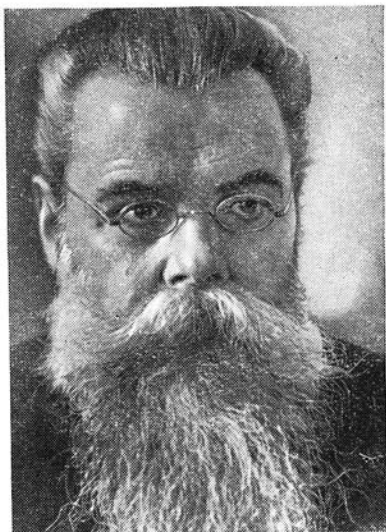
нового, более точного прочтения рукописей, изучения архивных документов, редких изданий и т. п.

Свои дополнения и заметки Ефремов вносил в тексты произведений и как редактор, занимавшийся подготовкой к печати произведений русских писателей и поэтов. Во второй половине XIX века под его редакцией были изданы сочинения В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, Д. И. Фонвизина, А. И. Полежаева, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина и других. Подготовленное в 1872 году Ефремовым издание «Сочинений» А. Н. Радищева в двух томах было запрещено и уничтожено цензурой. В библиотеке Пушкинского дома сохранились в собрании М. Н. Лонгинова первый и второй тома данного издания, кроме того, в библиотеке имеется два вторых тома, ранее принадлежавших С. А. Венгерову и А. В. Костомарову.

В первые годы существования Пушкинского дома его книжное собрание пополнялось и значительным количеством изданий, поступавших от их владельцев. В основном это были единичные или небольшие по своим размерам пожертвования.

«Разбирая свои книжные шкафы, я наметила много предметов, пригодных для будущих отделов Дома... — сообщала Б. Л. Модзалевскому вдова Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевская. — Я уже завела портфель, куда и складываю дублиеты... Я сочту себя счастливой, если буду иметь возможность присоединить и свою лепту». Она передала Пушкинскому дому книги, рукописи и мемориальные предметы, связанные с жизнью и творчеством писателя.

В 1911 году Академия наук приобрела для Пушкинского дома библиотеку П. А. Плетнева, насчитывающую около 3000 томов. Друг Пушкина и Гоголя, поэт, критик, редактор «Современника», профессор и ректор Петербургского университета, Плетнев со-

Б. А. Модзалевский — один из основателей Пушкинского дома.

брал большую библиотеку, состоящую из многочисленных изданий произведений отечественных писателей и поэтов, а также из современных ему журналов и альманахов.

В том же году в библиотеку поступила книжная коллекция около 1500 томов, завещанная Пушкинскому дому известным писателем-беллетристом И. А. Леонтьевым-Щегловым. Среди его книг сохранились издания произведений А. П. Чехова, подаренные писателем Леонтьеву-Щеглову с теплыми посвящениями «собрату по перу и близкому другу».

Несмотря на то что деятельность Пушкинского дома в годы первой мировой войны пришлось временно свернуть, библиотека в то время продолжала пополняться книжными собраниями. В 1914 году

С. Б. Вревская пожертвовала Пушкинскому дому библиотеку села Тригорского, состоявшую из русских и французских книг и периодических изданий XVIII — начала XIX века. В период пребывания в Михайловском Пушкин часто пользовался этими книгами.

Научное описание этой замечательной книжной коллекции было осуществлено в 1906 году Б. Л. Модзалевским.

Передал библиотеке собрание своих книг (700 томов) и первый директор Пушкинского дома академик Н. А. Котляревский, впоследствии оно было пополнено до 2000 томов. От В. П. Семенникова в библиотеку поступила коллекция русских журналов начала XIX века. Подарил свои книги Пушкинскому дому и писатель А. А. Тихонов-Луговой. Ценность его собрания заключалась в том, что на большинстве переданных им изданий имелись автографы его современников — русских писателей конца XIX — начала XX века.

После Октябрьской революции Пушкинский дом развернул интенсивную деятельность по сбору историко-литературных документов, книг и музейных предметов. В суровые годы гражданской войны и интервенции небольшой коллектив Пушкинского дома осуществил поистине героическую работу, спасая для отечественной науки бесценные историко-литературные материалы. Эта кропотливая деятельность не принесла бы ощутимых результатов, если бы Пушкинский дом не получал поддержки со стороны центральных и петроградских партийных и советских органов.

После 1917 года в Пушкинский дом влились значительные по объему книжные и архивные собрания, до этого находившиеся в Пушкинском музее Але-

ксандровского лицея и в Лермонтовском музее при Николаевском кавалерийском училище. Кроме того, в этот период многие ученые, писатели, художники нередко выступали инициаторами безвозмездной передачи своих коллекций в Пушкинский дом.

В октябре 1918 года Н. С. Боткина-Врасская подарила Пушкинскому дому собранную ею библиотеку, в которой находились книги, ранее принадлежавшие Василию Петровичу Боткину — известному публицисту, критику и переводчику. В начале 1919 года в Пушкинский дом обратилась М. Е. Кавос: «После смерти родителей моих осталась квартирная обстановка и богатое собрание книг, гравюр и рисунков, принадлежавшие покойной матери моей Екатерине Сергеевне Зарудной-Кавос, — писала в своем заявлении в Пушкинский дом М. Е. Кавос — дочь художницы. — Желая увековечить память ее, я предлагаю Академии принять на вечное хранение оригинальную коллекцию книг и всю обстановку из бывшей ее квартиры, как имеющую несомненную художественную ценность».

В 1920 году Гатчинский отдел народного образования передал Пушкинскому дому часть библиотеки А. Н. Майкова.

Пушкинский дом в то время не имел постоянного помещения, поэтому для размещения обильных приношений, а нередко и для их доставки приходилось изыскивать самые разнообразные средства. Из-за отсутствия транспорта, недостаточного количества книжных шкафов и стеллажей Пушкинский дом вынужден был просить владельцев библиотек повременить с перевозкой. Часто приходилось обращаться к даропринесителям с просьбой самим изыскать возможность доставить книжные собрания в Пушкинский дом.

Так, видимо, поступила и М. Е. Кавос, которая на собственные средства доставила в Пушкинский дом 69 тюков книг.

Наследнице богатейшего архива и библиотеки издателя и редактора журнала «Русская старина», известного историка М. И. Семеvского — А. М. Семевской Академия наук выдала удостоверение, подтверждающее, что «все научно-историческое имущество, находящееся в квартире ее, как-то книги, рукописи, бумаги и документы, картины и портреты, пожертвованные ею Академии наук, принадлежат Пушкинскому дому — музею при Академии. Находятся в квартире ее лишь по невозможности перевозки их в Академию и, как научное имущество последней, без ведома ее не подлежат отчуждению или реквизиции».

В мае 1920 года была взята под охрану частная квартира № 9 по Владимирскому проспекту, 13, в которой проживал сын поэта Я. П. Полонского Б. Я. Полонский, передавший в дар Пушкинскому дому библиотеку своего отца, хранившуюся в четырех шкафах.

Подобные удостоверения, уполномочивающие владельцев нести временную охрану переданных ими Пушкинскому дому книжных и других коллекций, были выданы в то время А. К. Стравинской, Э. Э. Ухтомскому, С. Н. Трофимову, вдове В. М. Гаршина Н. М. Гаршиной, находившейся в 1920 году в Вологде. «Дано сие Надежде Михайловне Гаршиной в том, — говорилось в удостоверении, — что находящиеся в ее квартире в городе Вологде (Кувшиново) книги, рукописи, портреты, равно как обстановка кабинета покойного писателя Всеволода Михайловича Гаршина, составляют собственность Пушкинского дома при Российской Академии наук и состоят

у нее на хранении впредь до того, когда окажется возможность по условиям транспорта перевезти их в Петроград...

Пушкинский дом просит всех представителей власти оказывать Н. М. Гаршиной содействие в деле охраны означенного ценного музейно-исторического имущества».

Для принятия и перевозки архива и библиотеки В. М. Гаршина Пушкинский дом командировал в Вологду в 1920 — начале 1921 года своих сотрудников Б. М. Энгельгардта и П. А. Горчинского. Специальный вагон, предоставленный Академии наук Петросоветом, с имуществом В. М. Гаршина в сопровождении его вдовы Н. М. Гаршиной и П. А. Горчинского прибыл из Вологды в Петроград 28 февраля 1921 года.

Очень сложно обстояло дело с книжными и архивными материалами, находившимися в провинциальных городах и усадьбах. Необходимы были срочные меры по спасению этих частных архивов и библиотек.

В Архиве Академии наук СССР хранятся многочисленные копии командировочных удостоверений и мандатов, с которыми выезжали сотрудники и добровольные помощники Пушкинского дома в самые различные пункты предполагаемого нахождения рукописей и книг.

В 1917 году в Симбирск был командирован научный сотрудник А. С. Поляков, чтобы организовать доставку библиотеки П. В. Анненкова, находившейся в селе Чирково, близ Симбирска. А. С. Поляков успешно справился с поручением, но вывезенная им библиотека, по не зависящим от него причинам, почти десять лет находилась в Симбирске, откуда она поступила в Пушкинский дом только в 1927 году.

В Самаре А. С. Поляков вошел в контакт с Аксаковским музеем. От него в 1929 году была получена коллекция книг и музейных предметов первой половины XIX века.

Вернувшись из Симбирска и Самары, А. С. Поляков в ноябре 1917 года отправился в имение баронессы С. Н. Вревской; 3 мая 1918 года С. В. Штейн был командирован в Москву; несколько позднее А. Л. Азаров выехал в Островской и Опочецкий районы Псковской губернии, чтобы посетить села Михайловское, Тригорское, Голубово, Лисью Гору, Петровское, Духово и другие места «для выяснения на месте степени сохранности или уничтожения материалов, касающихся Пушкина, и для собирания образцов библиотек и отдельных книг в названных имениях... с целью доставки их в Петроград».

4 сентября 1918 года В. П. Семенников отправился в Архивно-библиотечный отдел Киева, куда почти одновременно с ним выехал и М. Д. Беляев. В сентябре того же года Н. Б. Глазберг командировается в Одессу и Крым, А. Я. Лихтерман — в Нежин, П. Я. Щеголев — в Москву.

По поручению дирекции Пушкинского дома его научные сотрудники осмотрели имения и сохранившиеся в них рукописные и книжные коллекции в Казанской и Ярославской губерниях, в Твери, Вятке, Вологде, Валдае, Туле и многих других городах.

Командированному 22 июня 1920 года в Рязанскую и Тамбовскую губернии К. Я. Гроту поручалось обследовать библиотеки в национализированных имениях Урусово и Рязанка, Полошки, Денисовка, Елизаветино и Петровка.

Мы привели лишь незначительную часть документов о собирательской деятельности Пушкинского

дома в первые послереволюционные годы. Она была действительно широка и многообразна.

Кроме поездок по стране, сотрудники Пушкинского дома осмотрели в Петрограде бесхозные особняки, квартиры, кладовые, склады, магазины, типографии и т. п. Одной из наиболее ценных находок были книги, рукописи и личные вещи Ф. М. Достоевского, которые оказались в ломбардном складе, расположенном по Новгородской улице, 10, куда они попали от вдовы писателя А. Г. Достоевской.

Большую помощь в поисках оказывали многочисленные друзья Пушкинского дома, в частности мать известного искусствоведа Н. Н. Врангеля М. Д. Врангель. Именно ей обязан Пушкинский дом поступлением в его библиотеку интересной коллекции книг по искусству, собранной ее сыном. Она оказала существенную помощь и в передаче документальных материалов, принадлежавших А. П. Араповой — дочери Н. Н. Пушкиной-Ланской.

К 1924 году фонды библиотеки возросли до 120 000 томов. Накануне 20-летия своего существования библиотека Пушкинского дома стала одним из богатейших книгохранилищ по истории отечественной словесности. Ведущее место в ней занимали коллекции произведений Пушкина и литературы о нем, а также сочинения русских писателей и поэтов XIX—XX веков. Этот уникальный фонд явился первоклассной основой для изучения русской литературы.

Осенью 1927 года Пушкинский дом переехал в новое здание (бывшей С.-Петербургской таможни). Библиотеке были предоставлены помещения в левом крыле первого этажа.

В следующем, 1928 году в библиотеку поступило 14 330 книг, журналов и брошюр. Основную

часть столь обильного поступления составили библиотеки А. Ф. Кони, А. Ф. Онегина и собрание книг скончавшегося в апреле 1928 года одного из основателей Пушкинского дома члена-корреспондента АН СССР Б. Л. Модзалевского, насчитывающее свыше 8000 томов.

Ценность его библиотеки заключается в том, что большинство книг источниковедческого характера содержит многочисленные заметки, исправления, дополнения ученого — крупного специалиста по истории русской литературы и изучению жизни и творчества Пушкина.

Одновременно с коллекцией книг Б. Л. Модзалевского в библиотеку поступила составленная им библиографическая картотека, содержащая свыше 300 000 написанных от руки карточек *Personalia*. В течение десятилетий создавал он единственную в своем роде картотеку, в которой были расписаны русские журналы, сборники, альманахи и другие периодические издания XIX — начала XX века. В настоящее время она хранится в читальном зале рукописного отдела института и является незаменимым справочным пособием для литературоведов, историков и библиографов.

Из года в год возрастало количество книг, поступавших в библиотеку. Обязательный экземпляр, который Пушкинский дом начал получать с 1929 года, хотя и являлся постоянным источником пополнения фонда новыми изданиями, в первой половине 30-х годов составлял приблизительно лишь четвертую часть всех книжных поступлений. Одним из самых ценных даров этого года явилась личная библиотека А. Н. Островского, подаренная Пушкинскому дому внучкой великого русского драматурга М. М. Шателен.

В конце 1930 года директором Пушкинского дома был избран академик А. В. Луначарский. Он возглавлял Институт русской литературы в течение трех лет. Под его руководством завершилась реорганизация института, созданы научные секторы, к работе в которых были привлечены новые сотрудники.

Коллектив библиотеки, состоявший в то время лишь из пяти человек, осуществил в первой половине 30-х годов большую работу по учету и освоению новых поступлений, в том числе книжного фонда Толстовского музея, собрания С. А. Венгерова, библиотеки Н. И. Тургенева, Пушкинианы из коллекции П. Е. Щеголева.

Собрание книг бывшего Толстовского музея, созданного в Петербурге в 1909—1911 годах почитателями таланта великого русского писателя, насчитывает до 1500 названий сочинений писателя, в том числе редчайшие ранние издания, произведения, запрещавшиеся цензурой, печатавшиеся за границей, подпольные издания, а также переводы (свыше 40) на иностранные языки. Кроме того, музеем была собрана значительная по объему — около 3000 названий — книжная и журнальная литература о писателе. Представляют ценность и альбомы газетных вырезок со статьями и заметками, посвященными Толстому.

Замечательным книжным собранием явилась коллекция С. А. Венгерова, поступившая в библиотеку в 1932 году. Известный исследователь русской литературы, редактор первого Полного собрания сочинений В. Г. Белинского и многотомных собраний сочинений Пушкина, Шекспира, Мольера, Шиллера, Байрона, автор капитальных библиографических трудов («Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», «Источники словаря русских писате-

лей» и других), выдающийся педагог, создатель Пушкинского семинария в Петербургском университете, организатор и первый директор Российской книжной палаты, директор Института книговедения С. А. Венгеров собрал богатейшую библиотеку — 18 000 библиотечных единиц.

Одной из последних коллекций, поступивших в Пушкинский дом в предвоенные годы, была библиотека А. А. Блока, которая хранилась у жены поэта Л. Д. Блок. По составу эта библиотека относительно невелика — в ней примерно 2000 томов.

Значительное место в коллекции поэта занимают издания художественной литературы на русском и иностранном языках, переводы произведений зарубежных классиков в серии «Всемирная литература», одним из редакторов которой был Блок. Среди иностранных книг преобладают издания на французском языке, главным образом произведения средневековой литературы и поэтические сборники XVI—XVIII веков. Среди них — весьма редкие издания. Кроме того, в коллекции поэта имеются комплекты литературно-художественных изданий начала XX века: «Аполлон», «Весы», «Новый путь» и другие.

А. А. Блок любил книги, тщательно подбирал и хранил свою библиотеку. Он собственноручно составил на собранные им книги и журналы карточный каталог, в котором отмечал все изменения, происходившие в его коллекции. В настоящее время эта картотека хранится в рукописном отделе Пушкинского дома.

Интенсивная работа по освоению и описанию уникальных фондов, развернувшаяся в библиотеке в конце 30-х годов, была прервана Великой Отечественной войной. Многие сотрудники Пушкинского дома с первых дней войны сражались на фронте.

Оставшиеся в Ленинграде несли круглосуточное дежурство в помещениях Пушкинского дома, охраняя его от налетов вражеской авиации и варварских обстрелов.

Были приняты неотложные меры по спасению от гибели наиболее ценных книжных фондов. Как свидетельствует сохранившийся в архиве библиотеки акт от 16 июля 1941 года, по личной договоренности с директором Государственного Эрмитажа академиком И. А. Орбели Институт русской литературы передал на хранение в Эрмитаж «сорок два ящика книг личной библиотеки А. С. Пушкина, заколоченных и опечатанных пломбами Института литературы». Почти одновременно было принято решение эвакуировать в Новосибирск вместе с рукописными и музейными материалами наиболее ценные книжные собрания, в том числе библиотеку Пушкина.

Летом 1942 года многие сотрудники института были эвакуированы из Ленинграда. Охрана книгохранилища была поручена заведующей библиотекой Александре Михайловне Спиридоновой. В невероятно сложных условиях осажденного города ей пришлось одной, опираясь на помощь уполномоченного дирекции Пушкинского дома В. А. Мануйлова, выполнять возложенные на нее обязанности. А. М. Спиридонова оставалась на этом посту вплоть до своей смерти осенью 1944 года.

Имена сотрудников библиотеки, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда, — Михаила Андреевича Панченко, Алексея Александровича Прокуратова, Якова Иеронимовича Ясинского, Антонины Андреевны Быстровой и других — занесены на памятную мемориальную доску, установленную в вестибюле института.

9 мая 1945 года ленинградцы вместе со всем советским народом торжественно отпраздновали победу над фашистской Германией. Закончилась война. Наступил долгожданный мир. Перед Академией наук и в том числе перед Пушкинским домом была поставлена задача в кратчайшие сроки приступить к организации планомерной научной деятельности. В институт возвратились демобилизованные из армии сотрудники, пришли молодые кадры литературоведов. Всех их объединяло одно желание: заняться любимым делом — изучением русской литературы, созданием новых и продолжением начатых до войны трудов. И библиотека, сохранившая свои богатейшие книжные фонды, стала для них первым помощником в исследовательской работе.

В 1945 году умер заведующий библиотекой Пушкинского дома С. Д. Балухатый. Он был большим знатоком и ценителем книг. Собранная им обширная литературоведческая библиотека (около 4000 томов) была приобретена в 1946 году у его наследников. По выраженному еще при жизни желанию С. Д. Балухатого его основное собрание книг было размещено в читальном зале и предоставлено в пользование посетителей Пушкинского дома.

Коллекция С. Д. Балухатого представляет типичный образец рабочей библиотеки ученого. В ней, за небольшим исключением, нет роскошных, дорогих изданий, редких книг. В этом собрании имеется много оттисков и вырезок из журналов, отражающих интересы владельца. А интересы С. Д. Балухатого были многообразны. В молодые годы он занимался фольклором и древнерусской литературой, позднее изучал поэтику, теорию драмы, в последние годы сосредоточил внимание на истории литературы конца XIX — первой четверти XX века, а точнее, на изуче-

нии творчества двух крупнейших представителей этого периода — Чехова и Горького. Соответственно своим научным интересам он и приобретал книги.

Но библиотека С. Д. Балухатого была не единственной личной коллекцией, поступившей в Пушкинский дом в послевоенные годы. Его книжные фонды пополнились коллекцией изданий XVIII века. Часть библиотеки В. М. Саянова подарила институту вдова поэта. Принесли в дар Пушкинскому дому книжные собрания наследники ученых-литературоведов А. Н. Лозановой и А. Н. Михайловой. Передали институту значительное количество изданий с автографическими надписями известные советские писатели М. Л. Слонимский и В. А. Рождественский. Ценнейшим приобретением последних лет явилось также собрание книг Н. И. Тургенева. В 1971 году в Пушкинский дом поступила библиотека В. В. Виноградова.

Фонды библиотеки, подобранные поколениями ученых и библиотечных работников Пушкинского дома, разнообразны по содержанию и уникальны по составу. Рассказать о замечательных коллекциях и редких изданиях, хранящихся в библиотеке Пушкинского дома, поведать читателям о своих скромных находках и наблюдениях и является основной целью автора данной книги.

ДРУЗЬЯ ПРОВОЗВЕСТНИКОВ СВОБОДЫ

 Литература, посвященная декабристам, обширна. Она охватывает почти всю многостороннюю деятельность великих провозвестников свободы. Но незаслуженно малое место занимают исследования о круге чтения декабристов, об их личных библиотеках. Наши знания о составе этих библиотек намного расширят имеющиеся представления о читательских интересах декабристов, дополнят уже известные науке сведения об их политических, исторических, философских, литературных и эстетических взглядах — словом, раскроют более наглядно богатую интеллектуальную жизнь представителей революционного дворянства, стоявших во главе первого этапа освободительной борьбы русского народа против самодержавия и крепостничества.

Наша историческая наука, как и литературоведение, располагает весьма скудными данными о содержании библиотек, собранных декабристами до восстания 1825 года. Восполнить этот пробел могли бы сведения из библиотек тех полков, в которых служили участники тайных обществ. Но после разгрома восстания декабристов по распоряжению председателя Следственной комиссии военного министра А. И. Татищева полковые библиотеки были строжай-

ше проверены и очищены от «запрещенных и вредных» изданий.

Интересные данные о библиотеке видного участника Северного общества декабристов Г. С. Батенькова имеются в статье Г. М. Котлярова «Арест декабриста Г. С. Батенькова (по неизданным материалам)», опубликованной в журнале «Былое». В архивных делах Министерства путей сообщения хранится секретное дело 1825 года «Об арестовании инженер-подполковника Батенькова и о принадлежащем ему имуществе». Среди других важных сведений Г. М. Котляров упоминает и об описи библиотеки, составленной после ареста Батенькова ближайшим другом декабриста С. Т. Аргамаковым. Сама библиотека не сохранилась. По предположению Г. М. Котлярова, она была продана с публичного торга вместе с остальными вещами Батенькова, заточенного на 20 лет в одиночную камеру Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

Научные и литературные интересы Батенькова, отмечает Котляров, были широки и разносторонни. Среди его книг имелись многочисленные издания по математике, механике, астрономии, гидравлике, военному искусству, фортификации, тактике, артиллерии, инженерному искусству, навигации, физике, химии, медицине, статистике и торговле.

Большое место в библиотеке Батенькова занимали книги по гуманитарным наукам: истории (особенно интересной была коллекция мемуаров и биографий), правоведению, политической экономии, архитектуре, живописи. Самой значительной была подборка философских и беллетристических произведений, представленных многотомными и одготомными собраниями сочинений Ломоносова, Карамзина, Вольтера, Мольера, Руссо, Юма, А. Смита, Сталь и др.

В библиотеке имелись также 33 названия современных журналов и альманахов, в том числе издания декабристов: «Полярная звезда», «Мнемозина». Краткая характеристика этой замечательной библиотеки, собранной Батеньковым до декабря 1825 года, приведена также в статье А. Сабурова «Декабрист Г. С. Батеньков».

Опись библиотеки Г. С. Батенькова в настоящее время находится среди материалов Елагинского архива, который хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Она была составлена чиновниками ведомства путей сообщения при непосредственном участии и наблюдении Аргамачева и представляет собой тетрадь большого формата, сшитую из отдельных двойных листов; за исключением последней, 48-й страницы все остальные заполнены с двух сторон описаниями книг, внесенными в тетрадь рукой писаря.

Рукопись разделена на две самостоятельные части: 1. «Российские книги», 2. «Французские книги». В первый раздел включено 260 русских названий, во второй — 297 изданий на французском языке. В целом в рукописи зафиксировано 1403 тома русских и иностранных книг, журналов и альманахов. Каждая часть, в свою очередь, имеет дробное деление по различным отраслям науки и прикладным знаниям, а художественная литература — по жанровым признакам; таких разделов в русской части — 65, в иностранной — 53.

Рукопись содержит многочисленные карандашные пометки, часть которых, безусловно, принадлежит Аргамачеву, сверявшему опись с наличием книг и делавшему при этом соответствующие пометы, исправления и подсчеты. Другие заметки, по своему характеру отличные от первых, внесены в рукопись, судя

по их содержанию, позже и, по-видимому, самим Г. С. Батеньковым. Это дает нам основание предположить, что его библиотека после ареста не была, как утверждает Г. М. Котляров, продана с торгов, а в значительной части сохранилась.

Мы позволили себе подробно остановиться на библиотеке Батенькова не только в связи с тем, что она заслуживает пристального внимания историков и литературоведов, но и потому, что до настоящего времени ее описание, к сожалению, полностью не опубликовано. Публикация его даст в руки исследователей важный материал для изучения наследия декабристов.

Литература о декабристах располагает также сведениями о книжном собрании К. Ф. Рылеева, которые приведены в статье А. Г. Цейтлина «О библиотеке Рылеева», опубликованной в 55-м томе «Литературного наследства». Анализируя дошедшие до нас письма декабриста и другие документальные материалы — письма Н. М. Рылеевой — жены поэта, следственные дела, автор статьи приходит к вполне обоснованному заключению о том, что «Рылеев обладал довольно обширной библиотекой, составлять которую он начал еще в юношеские годы».

В петербургский период жизни книжное собрание декабриста значительно увеличилось за счет приобретения изданий «юридического и географического характера». Подобная литература была необходима Рылееву — чиновнику Уголовной палаты — для служебных и практических целей.

Основную часть книжного собрания Рылеева составляли произведения русских писателей и поэтов XVIII — начала XIX века. К сожалению, сохранилось незначительное количество таких изданий, среди них — произведения И. Ф. Богдановича, Е. И. Кост-

рова, И. И. Дмитриева, В. А. Орлова, Ф. Ф. Иванова, В. И. Панаева, Д. И. Хвостова, Вольтера.

Один из опознавательных признаков этих книг — экслибрисы. Рукой их владельца сделана надпись: «Из книг К. Рылеева».

После казни декабриста его жена, выполняя предсмертное желание мужа, оставила часть книжного собрания для дочери. Остальные книги она продала. Неоплаченные издания возвратила книгопродавцам, а также их прежним владельцам, и сведения о них не сохранились.

Представляет интерес опубликованная в журнале «Нева» заметка сотрудника Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. Левковича о найденной им книге К. Ф. Рылеева. Это один из пяти томов «Творений» Н. П. Николаева, изданных в Москве в 1795 году. Уцелевший том был обнаружен среди многочисленных изданий, поступивших в библиотеку из других книгохранилищ. И, как прежде, неопровержимым доказательством принадлежности данного издания декабристу явился экслибрис «Из книг К. Рылеева».

Находка Н. Левковича — еще одно подтверждение необходимости целенаправленного поиска книг Рылеева в наших библиотеках и частных собраниях. Повторяем, что речь и в данном случае идет о библиотеке, принадлежавшей декабристу до восстания 1825 года.

Напоминая об этом факте, мы отнюдь не стремимся предать забвению мемуарные и эпистолярные материалы, а также существующие исследования, посвященные декабристам в период их жизни на каторге и на поселении в Сибири.

По свидетельству М. А. Бестужева, его товарищи по каторге с таким наслаждением погрузились

в «волны умственного океана», что даже чуть не захлебнулись в нем. В Чите — первоначальном месте заточения декабристов, по словам Бестужева, запас книг, образовавшийся отчасти из привезенных самими декабристами с собою, частью же из вновь высланных им, был очень велик. В Петровском заводе, где декабристы жили сравнительно оседлой жизнью, число книг, находящихся в их казематах и в домах жен декабристов, по свидетельству Д. И. Завалишина, переходило «за полмиллиона томов». Многим из осужденных на каторгу декабристам родственники пересылали их прежние библиотеки, «состоявшие у некоторых из нескольких десятков тысяч томов».

Из этих библиотек Д. И. Завалишин наряду с собственным богатейшим собранием книг на пятнадцати языках выделяет замечательную по своей научной и художественной ценности библиотеку М. С. Лунина.

Взросшее за последние годы внимание к изучению библиотек декабристов выдвинуло задачу создания итоговой работы о читательских интересах участников декабрьского восстания. Эта задача отчасти была решена Е. Н. Дунаевой в ее исследовании «Декабристы и книга», посвященном главным образом книжным коллекциям, собранным декабристами на протяжении их тридцатилетнего пребывания в Сибири.

* * *

В архивных делах библиотеки Пушкинского дома нам удалось обнаружить примечательный документ — небольшую по размерам машинописную рукопись — сообщение научного сотрудника Института Л. Б. Модзалевского о найденной им части библиотеки декабриста Артамона Захаровича Муравьева.

Эта библиотека была обнаружена Л. Б. Модзалевским летом 1926 года в деревне Наволок, некогда принадлежавшей А. З. Муравьеву. Она расположена на берегу Череменецкого озера Лужского района Ленинградской области. Здание, в одной из комнат которого находилась библиотека, по словам Л. Б. Модзалевского, было построено позднейшими владельцами имения в 50-х годах прошлого века на том месте, где когда-то стояла усадьба А. З. Муравьева. После Октябрьской революции в этом здании размещалось управление совхозом. С разрешения директора этого совхоза Л. Б. Модзалевский вывез библиотеку Муравьева в Ленинград и передал ее в Пушкинский дом, где она хранится отдельной коллекцией до настоящего времени.

Библиотека А. З. Муравьева, несомненно, вся не сохранилась. Л. Б. Модзалевскому удалось найти 23 названия книг, составивших 69 томов. Все они одного формата, переплетены в одинаковые переплеты с вытисненными на корешках буквами «А. М.».

Артамон Захарович Муравьев (1793—1846) был одним из видных и активных членов тайного декабристского общества, в которое он вступил в 1817 году. Детские годы Муравьева прошли в Петербурге, в доме его отца З. М. Муравьева, а затем в родовых имениях, находившихся в Лужском и Новгородском уездах. В 1810 году он вместе со своим младшим братом поступил в Московский университет. В то же время братья Муравьевы стали слушателями только что возникшего «Общества математиков», положившего начало «Учебного заведения для колонновожатых». В числе 16 слушателей «Общества математиков» вместе с Артамоном Муравьевым занимались также будущие декабристы Михаил и Никита Муравьевы, И. Бурцев, Н. Филиппович.

В августе 1811 года Артамон и его брат переехали в Петербург, где продолжали образование в созданном при Главном штабе училище для колонновожатых. Через полтора года Муравьев был произведен прапорщиком и назначен в свиту его величества по квартирмейстерской части. В формулярном списке о службе А. З. Муравьева в графе о его образовании указано: «По-русски, по-французски и по-немецки, фортификации, артиллерии и часть математики знает».

В период учебы в училище Артамон Муравьев близко сошелся со своими родственниками — молодыми офицерами Генерального штаба Александром и Николаем Муравьевыми; его друзьями стали юнкер Семеновского полка Матвей Муравьев-Апостол, юнкер конной гвардии Д. Сенявин и другие представители либерально настроенной молодежи — будущие участники движения декабристов. В этом юношеском кружке возникло тайное общество «Чока», с неясными еще политическими целями, но довольно определенными, правда наивно-утопическими, стремлениями создать на острове Сахалине республику, основанную на идеях Руссо.

В начале 1812 года прапорщик А. З. Муравьев был направлен в Дунайскую армию, где находился при штабе адмирала Чичагова. Затем его перевели в Западную армию Барклая-де-Толли, вместе с которой он участвовал в разгроме и преследовании наполеоновской армии — в блокаде Торна, в сражениях под Кенигсвартом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, в боях под Парижем.

В 1815 году Муравьев был назначен адъютантом к генерал-лейтенанту графу де Ламберту и вместе с ним направлен во Францию, где прикомандирован к оккупационному корпусу М. С. Воронцова. Три года провел Муравьев во Франции. По словам его

биографа — И. Муравьева, «он совершенно европеизировался в лучшем значении этого слова... Гуманные и либеральные идеи, вынесенные Артамоном Муравьевым из семьи, получили дальнейшее развитие за время его учебных лет в Москве и Петербурге», укрепились и развились еще в большей степени во время прохождения военной службы во Франции.

После возвращения в Россию в 1818 году Муравьев был произведен в ротмистры и вступил в Кавалергардский полк. С этого времени он — деятельный участник тайного общества «Союз благоденствия». В 1824 году Муравьев в чине полковника назначен командиром Ахтырского гусарского полка, расквартированного на Украине, в районе Тульчина и Василькова — центра Южного общества декабристов. Установив контакт с руководителями этого общества, Муравьев становится одним из его активных членов.

Арестованный 31 декабря 1825 года Муравьев был препровожден в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Главные пункты обвинения, предъявленные следственной комиссией, а затем Верховным уголовным судом, заключались в следующем: «1. Возбуждение к мятежу. 2. Умысел на цареубийство. 3. Вызов на произведение цареубийства».

Как «опасный злодей», Муравьев был отнесен к первому разряду и приговорен к отсечению головы, но казнь была заменена вечной каторгой. В июне 1826 года А. З. Муравьев вместе с другими декабристами был направлен в Иркутск, откуда его перевели в Нерчинск на Благодатские рудники. Через двадцать лет, пережив все тяготы и лишения, выпавшие на долю узников каторжных тюрем, А. З. Муравьев умер в далекой сибирской деревушке М. Разводной.

Мы привели лишь основные факты биографии А. З. Муравьева, связанные с его учебой, военной

VICTOIRES, CONQUÊTES,

DÉSASTRES, REVERS ET GUERRES CIVILES

DES FRANÇAIS,

DE 1792 A 1815.

PAR UNE SOCIÉTÉ DE MILITAIRES ET DE GENS DE LETTRES.

.....
Sommaire en-jus de nos précédentes tomes.

TACITE, *l'histoire*, liv. IV, 23.

TOME TREIZIÈME.

PARIS,

C. L. F. PANCKOUCKE, KÖNIGLICH.

Rue des Poitevins, n° 11.

1819.

«Победы, завоевания, катастрофы, невзгоды и гражданские войны французов с 1792 по 1815 г.» — книга из личной библиотеки декабриста А. З. Муравьева.

службой и участием в тайных обществах. Они свидетельствуют о большом жизненном опыте декабриста, о его многосторонней образованности и широкой эрудиции.

С детских лет Артамона Муравьева окружали книги, которых, судя по изустному завещанию его отца — З. М. Муравьева, в их доме было много. Испытавший на себе влияние французских энциклопедистов, отец Муравьева, будучи сам широко начитанным человеком, поддерживал дружеские отношения с семьей Михаила Никитича Муравьева — одного из просвещеннейших людей конца XVIII — начала XIX века. Все это не могло не сказаться на домашней атмосфере, в которой жил и воспитывался Артамон Муравьев. В последующие годы Муравьев вращался в кругу молодых представителей высокообразованного дворянства, из среды которых вышли почти все деятели тайных декабристских обществ.

Будущие декабристы во время похода русской армии за границу и службы в оккупационном корпусе во Франции имели возможность непосредственно познакомиться с жизнью западноевропейских народов. Этот вполне понятный интерес к государственному и политическому устройству европейских государств, к их историческим, культурным и революционным традициям нашел свое проявление не только в кратковременных, эпизодических наблюдениях. Он, безусловно, отразился и в читательских интересах будущих участников тайных обществ, в их стремлении через книги более основательно познать многие явления, с которыми они столкнулись на Западе.

Деятели тайных обществ, и в том числе А. З. Муравьев, ставили перед собой, как известно, более конкретные, практические задачи, связанные с их программой переустройства государственного уклада

крепостной России. Именно с этой точки зрения и представляет интерес сохранившаяся часть библиотеки А. З. Муравьева.

Все дошедшие до нас книги на французском языке в основном изданы в Париже и Женеве в 1801—1824 годах. Среди них книги, отражающие исторические и общественно-политические взгляды декабриста: «Всеобщая история в 24 книгах» И. Мюллера, «Рассмотрение последних революций в Европе» Де Салво, «История Англии» А. Ф. Тьери, «Собрание сочинений» Н. Макиавелли, «Сборник литературных, политических статей и неопубликованных отрывков» Х. М. Виланда, «Курс политической экономии» Г. Шторха, «Опыт о законе народонаселения» Т. Р. Мальтуса и другие.

Значительное место в библиотеке Муравьева занимали издания по военному делу, математике, механике, географии, о чем свидетельствуют дошедшие до нас книги: М.-А. Каррион-Низас «Опыт всеобщей истории военного искусства», М. Дюма «Точное военное происшествие, или Опыт исторического описания кампании 1799—1814, с картами и планами», А. Томини «Военная история войн Фридриха II», С. Ф. Лакруа «Курс математики», Л. Б. Франкер «Элементарный курс механики» и др.

Большинство из этих изданий, приведенных нами в переводе на русский язык, вероятно, были приобретены Муравьевым во время его службы в оккупационном корпусе или выписаны позднее из Франции. Вместе с другими сохранившимися изданиями из библиотек декабристов они дают представление о широте и глубине интеллектуального кругозора первых провозвестников свободы.

АЛЬМАНАХ, РАЗДЕЛИВШИЙ СУДЬБУ ДЕКАБРИСТОВ

 Среди уникальной коллекции русских альманахов первой половины XIX века, хранящейся в библиотеке Пушкинского дома, декабристский альманах «Звездочка» на 1826 год занимает особое место. Это издание, которое К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев замыслили как продолжение альманаха «Полярная звезда», печаталось в типографии департамента Генерального штаба. Декабрьское восстание и последовавший за ним арест издателей альманаха — активных деятелей тайного общества — приостановили печатание «Звездочки». По приказу Следственного комитета (впоследствии переименованного в Следственную комиссию) набранные листы были конфискованы, опечатаны и в течение 36 лет хранились в кладовых бывшей военной типографии.

В 1861 году тираж альманаха «Звездочка» как «ненужный хлам» был сожжен. Сохранилось всего лишь два экземпляра этого замечательного памятника декабристской периодики. Один из них принадлежал известному ученому-библиофилу П. А. Ефремову, которому с большим трудом удалось раздобыть его за несколько дней до уничтожения. Впоследствии этот экземпляр был приобретен Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, где и хранится поныне.

Второй экземпляр «Звездочки» находится в библиотеке Института русской литературы, куда он поступил вместе с архивом и частью библиотеки издателя журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского.

Расскажем о любопытной истории этого экземпляра до его поступления в библиотеку Пушкинского дома.

До М. И. Семевского «Звездочка» принадлежала Александру Николаевичу Креницыну. В настоящее время это имя мало что говорит широкому читателю. Но историки и литературоведы часто встречаются его на страницах журналов прошлого века, нередко упоминается оно и в обширной литературе о декабристах и Пушкине. Кто же такой Креницын, какой след оставил он в истории русской культуры?

А. Н. Креницын родился в 1801 году. Детские годы его прошли в имении отца — помещика Новоржевского уезда, Псковской губернии. Вначале он воспитывался в Первой петербургской гимназии, затем в 1812 году перешел в Пажеский корпус. Там Креницын подружился с Е. А. Баратынским, братьями М. А. и А. А. Бестужевыми, А. Л. Философовым и другими.

С юных лет Креницын увлекался поэзией. Его стихи печатались в журнале Н. И. Греча «Сын отечества», в издании А. Е. Измайлова «Благонамеренный». По словам Н. В. Креницына (племянника А. Н. Креницына), А. А. Бестужев рано заметил талант молодого поэта и поощрял его: «Несколько стихотворений поэта-пажа ходило по рукам в рукописных списках; но особенный говор возбудило бойкое, юмористическое его стихотворение «Панский бульвар», в котором он зло и умно осмеивал недостатки многих лиц, в том числе довольно высоко

ЗВЕЗДОЧКА

1826 г.

ИЗДАНИЕ

А. А. ВЕСТУЖЕВА и К. Ф. РЫЛЕВА.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Кровь за кровь. Разсказъ. А. А. Бестужева.	XII. Счастливый младенецъ. Элегія. В. А. Пушкина.
II. Отрывокъ изъ III-ей главы «Евгенія Онегина». А. С. Пушкина.	XIII. Зависть гения. Н. М. Измайова.
III. Киргизъ Зинаидъ Александровнѣ Волконской. П. И. Козлова.	XIV. Элегія. В. И. Туманскаго.
IV. Отрывокъ изъ восточной повѣсти «Пустынникъ Нанду». Ознобишина.	XV. Къ сестрѣ. Нечаева.
V. Эпиграммъ на стихотворной повѣсти «Эда». Е. А. Баратынскаго.	XVI. Наталь-палли!
VI. Тоска души. Якова И. Ростовцева.	XVII. Пѣсня. В. А. Пушкина.
VII. Эпиграмма. А. С. Хомякова.	XVIII. Къ сестрѣ. В. И. Туманскаго.
VIII. Къ зарѣ. А. С. Хомякова.	XIX. Греческая ода. В. И. Туманскаго.
IX. Описаніе Шахова кладбища. Отрывокъ изъ персидской повѣсти «Орсанъ и Леила». П. А. Ободовскаго.	XX. Къ Людору. Нечаева.
X. Графиня. Кн. П. А. Вяземскаго.	XXI. Дѣтъ картины. Отрывокъ.
XI. Пѣсня. В. И. Туманскаго.	XXII. Битва. Отрывокъ изъ поэмы «Жизнь». Марксовича.
	XXIII. Какая это сторона?
	XXIV. Балъ. Е. А. Баратынскаго.
	XXV. Отрывокъ изъ персидской повѣсти «Орсанъ и Леила». П. А. Ободовскаго.
	XXVI. Гайдаманъ. Малороссійская быль. Ореста Мих. Сомова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Декабрь 1825 г.

Альманах «Звездочка» — издание А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева.

стоявших на иерархической лестнице чинов... Против поэта поднялась гроза; хотели исключить его из Пажеского корпуса, бранили, преследовали, и молодой человек, выведенный из себя, отвечал сильным и смелым стихотворением («К врагам». — Авт.), которое было напечатано в 1819 году в журнале „Сын отечества”».

В годы учебы в Пажеском корпусе Креницын особенно сблизился с Е. А. Баратынским. Их объединяла не только общность гражданских идеалов, но также любовь к поэзии, к отечественной литературе. Их дальнейшая судьба во многом была схожа. В 1817 году Баратынский был разжалован в солдаты и отправлен служить в Финляндию. Но и там не забывал он друга юности. В 1819 году Баратынский обратился к нему со стихотворным посланием, которое было опубликовано в «Сыне отечества»:

Товарищ радостей младых,
Которые для нас безвременно увяли,
Я свиделся с тобою! В объятиях твоих
Мне дни минувшие, как смутный сон, предстали.
О, милый! Я с тобой когда-то счастлив был...

Через год — в апреле 1820 года — Креницына постигла та же участь, что и Баратынского. Он, как активный участник стихийного бунта воспитанников, по распоряжению Александра I был разжалован в рядовые и определен в 18-й егерский полк.

Три года тянул Креницын тяжелую солдатскую лямку. В 1823 году он был произведен в прапорщики. Тогда же он принял решение уйти в отставку. Поданный по начальству рапорт дошел до императора. Александр I, возмущенный «дерзостью» Креницына, повелел отказать ему в просьбе, дабы, «оставаясь на службе, усердным продолжением оной и хорошим

поведением стараться загладить свой поступок и заслужить лучшее о себе заключение».

Последовавшее затем восстание декабристов, следствие по делу «бунтовщиков» и расправа над ними коснулись и Креницына. Находившийся под неусыпным наблюдением начальства, скомпрометированный прежним поступком да к тому же близко знакомый с декабристами, прапорщик Креницын был обвинен в принадлежности к тайному «злоумышленному обществу». Это обвинение возникло в связи с показаниями, данными Следственной комиссии поручиком А. С. Гангебловым. Он объявил о существовании с 1819 года в Пажеском корпусе тайного общества, одним из организаторов которого якобы являлся Креницын.

Но когда Следственная комиссия обратилась к А. А. Бестужеву за разъяснениями, тот не подтвердил показаний Гангеблова. Отрицал принадлежность Креницына к обществу в своих показаниях и Рылеев.

Следственная комиссия располагала также доносом на Креницына, поступившим от солдата Черниговского полка Д. Грохольского, бывшего штабс-капитана, разжалованного в рядовые. Автор доноса, основываясь на дружбе прапорщика Нежинского конноегерского полка Ф. Ф. Вадковского с Креницыным, говорил о принадлежности последнего к тайному обществу. В ходе допроса Вадковский не подтвердил это обвинение Грохольского.

В конечном счете А. Н. Креницын избежал суда. Но то, что его имя неоднократно фигурировало в ходе следствия по делу декабристов, еще более осложнило его положение: отставку ему с трудом удалось получить только в 1828 году.

Отставной подпоручик Креницын, отданный под гласный надзор полиции, возвратился в свою усадь-

бу — село Мишнево, Великолукского уезда, где целиком посвятил себя собиранию книг и рукописей. В феврале 1836 года он обратился к шефу жандармов Бенкендорфу с просьбой о снятии с него полицейского надзора. 5 мая 1836 года канцелярия гражданского губернатора Псковской губернии известила Креницына о том, «что государь император высочайше повелеть соизволил учрежденный за Вами надзор прекратить».

В Мишневе Креницын вел затворнический образ жизни; изредка выезжал в Псков, Великие Луки, Петербург, где встречался со своими старыми знакомыми, в том числе и с Пушкиным. После снятия полицейского надзора бывал несколько раз за границей. Соседи-помещики сторонились Креницына, а его увлечение книгами и литературным творчеством расценивали как пустое времяпрепровождение, чреватое опасными последствиями. «Мишневский затворник» собрал в своей усадьбе огромную библиотеку, состоявшую из русских и иностранных книг. Он выписывал несколько десятков периодических изданий — почти все русские и наиболее известные зарубежные журналы и газеты. Большую ценность представляло также его рукописное собрание.

Страстный библиофил, Креницын не останавливался ни перед какими препятствиями и затратами, для того чтобы раздобыть для своей библиотеки редкую книгу. Близкий друг А. А. Бестужева — одного из редакторов «Полярной звезды», он, безусловно, знал о судьбе последнего декабристского альманаха. Креницын приложил все усилия, чтобы раздобыть экземпляр «Звездочки». И это ему удалось. К 1860 году он стал, по-видимому, единственным в России собирателем, в чьих руках оказался запрещенный альманах декабристов. Вполне естественно, что все свя-

занное с получением этого арестованного полицией издания оставалось в тайне, и установить, кто и когда передал ему «Звездочку», почти невозможно.

В 1860 году Креницын подарил альманах декабристов М. И. Семевскому. А через год, как об этом говорилось выше, хранившиеся в опечатанных тюках экземпляры «Звездочки», кроме одного, доставшегося Ефремову, были уничтожены.

Почему именно Семевскому передал Креницын это ценнейшее издание? Вероятно, потому, что к тому времени между начинающим историком и публицистом Семевским и Креницыным установились дружеские связи.

Земляк владельца мишневской библиотеки Михаил Иванович Семевский родился в 1834 году, в сельце Федорово, Великолукского уезда, Псковской губернии. Этот уезд, по словам биографа Семевского, был в те годы своеобразным культурным гнездом образованного дворянства, средоточием местной интеллигенции. К этому кругу принадлежала и семья Семевского.

Окончив в 1852 году Полоцкий кадетский корпус, Семевский затем служил в лейб-гвардейском Павловском полку. С юношеских лет он увлекается литературой и историей. Находясь в 1855—1856 годах со своим полком в Москве, Семевский познакомился со многими известными писателями и учеными, слушал в Московском университете лекции по истории и словесности. В 1857 году он издал в Петербурге свою первую историческую работу: «Великие Луки и Великолукский уезд, историко-этнографические исследования о Великих Луках, некогда важнейшего пригорода Новгородской державы».

Книга сделала имя Семевского известным среди его земляков. Вероятно, в то время и зародились дру-

М. И. Семевский.

жеские отношения Креницына с автором исторического труда о родном для них Великолукском уезде.

Летом 1858 года Семевский решил оставить армейскую службу и посвятить себя педагогической деятельности. Он начал усиленно готовиться к экзамену на звание учителя русского языка. «Большим развлечением и наслаждением во время этих скучных занятий являлась для него библиотека, которую он начал составлять в 1855 году в Москве; в это лето она увеличилась совершенно для него неожиданно крупным и весьма ценным вкладом в 680 томов выдающихся сочинений, подаренных Михаилу Ивановичу и его брату Александру товарищем последнего по

Артиллерийской академии Н. В. Ханыковым, сыном покойного статс-секретаря Комитета министров и члена Государственного совета Ханыкова».

Среди подаренных Семевскому русских и иностранных изданий оказалось много книг и журналов, представлявших библиографическую редкость, а также иконографические и рукописные материалы.

Это неожиданное приобретение, по словам самого Семевского, составило эпоху в его жизни. «Вдоль стен вытянулось семь больших шкафов, переполненных до того, что во многих из них книги стояли в два ряда на полке», — сообщал он своему отцу И. Е. Семевскому. Их владельцу доставляло истинное удовольствие расставлять книги, составлять каталог, наклеивать на каждую книгу печатный ярлык, на котором было обозначено, когда и каким образом приобретена книга, подарена или куплена и за сколько. «Восторга моего вы не можете представить... — писал он отцу. — Я засматриваюсь на библиотеку, и она растет в мечтах моего воображения. Странно, что ныне меня радует: две, три сотни новых книг, да два, три новых шкафа! Что-то будет приводить в восторг лет через десять?»

Годы и десятилетия не изменили любви Семевского к книгам. В зрелом возрасте он с таким же юношеским увлечением продолжал собирать книги для библиотеки и рукописные материалы для своего архива; он отдавал этому все свободное от научных занятий время.

В конце 1850-х годов началась интенсивная деятельность Семевского как историка и публициста. На страницах периодических изданий одна за другой появляются его статьи, посвященные мало изученным страницам русской истории первой половины XVIII века. Несмотря на то что работам Семевского порой

не хватало глубины научного анализа, а в его позициях как историка отчетливо проявлялись либерально-буржуазные взгляды в оценке прошедших событий, исследования Семевского пользовались большой популярностью среди широкого демократического читателя.

С 1870 года М. И. Семевский начинает издавать журнал «Русская старина». Ввиду того что он служил чиновником в Государственном комитете по устройству сельского хозяйства, официальным редактором до 1877 года числился его родственник В. А. Семевский. Но полновластным хозяином «Русской старины» был всегда сам Семевский.

Однако вернемся ко времени, в которое, по нашему предположению, произошло знакомство Семевского с Креницыным. Начинаящий историк Семевский работает над архивным материалом в государственных учреждениях и одновременно предпринимает шаги по розыску исторических документов, хранящихся в частных собраниях.

Семевский, конечно, знал о богатейшем собрании книг и рукописей, которые к тому времени собрал в Мишневе Креницын. Часто посещая Великолукский уезд, Семевский с разрешения Креницына неоднократно работал в его библиотеке. Здесь он впервые обнаружил и декабристский альманах «Звездочка».

В рукописном собрании Креницына хранилось также большое количество неопубликованных писем А. А. Бестужева к матери и брату Павлу Бестужеву. После смерти А. А. Бестужева они были подарены его родными Креницыну. Уступая настойчивым просьбам Семевского, Креницын предоставил ему эти письма для публикации. Они были напечатаны Семевским в «Отечественных записках» (1860, № 5, 6, 7).

«Мы обязаны этими письмами Александру Николаевичу Креницыну. Долгом считаем заявить ему нашу глубокую и искреннюю признательность, — писал Семевский в «Отечественных записках». — Александр Николаевич лично знал Александра Бестужева, был другом Павла Бестужева, приятелем матери злополучных братьев. Письма эти он получил от матери Александра Александровича, также от брата его Павла, умершего лет двенадцать назад. Г. Креницын, вместе с некоторыми автографами наших знаменитых писателей, вместе с интересными рукописями, сообщил нам и письма Бестужева частью в копиях, тщательно им самим снятых, частью в подлинниках, свято им сохраненных.

Вообще память о Бестужеве читается еще многими любителями русской словесности и русских писателей. Так, например, г. Креницын между многими интересными вещами, напоминающими о знаменитых людях, между разными портретами, лоскутками от халата и обивки гроба фельдмаршала А. Д. Меншикова, эполетами подполковника Сергея М^{уравьева}-А^{постола}, тщательно оберегает белый эполет прапорщика № 10 Черноморского линейного батальона Бестужева».

19 мая 1860 года Креницын приехал в Петербург. Из гостиницы «Одесса» он послал Семевскому письмо:

«М. И. Семевскому!

Вечно мрачный и больной
Вот и я в столице Невской...
Алча видеть Вас душой,
Вас обнять, Историк мой,
Дайте случай мне, Семевский.

Ваш преданный А. Креницын.

Обещанное привезено. Вашему папаше И. Егор. бью челом. Не откажите мне Исторического сборника Искандера для прочтения». Вполне возможно, что Креницын привез и подарил Семевскому альманах «Звездочка», который завуалированно называет «обещанным».

Получив декабристский альманах, Семевский решил рассказать об этой библиографической редкости читателям. Но написанная им статья «Альманах «Звездочка» 1826 г.» была запрещена цензурой и опубликована без его подписи во втором томе «Сборника статей, недозволенных цензурой» в 1862 году. Этот сборник предназначался для служебного пользования чиновников комиссии цензурного ведомства.

В один из конволютов — сборник оттисков и вырезок, — принадлежавший ранее П. А. Ефремову, вклеена корректура запрещенной статьи Семевского, подаренная автором второму владельцу экземпляра «Звездочки». Статья подписана именем Семевского и имеет дату «1861 г.». Корректura носит следы авторской правки, на ней имеются также карандашные пометы, сделанные рукой Ефремова.

В этой статье, написанной, по-видимому, до уничтожения тиража «Звездочки», Семевский в осторожных выражениях писал: «Редакцией ее <«Звездочки». — Авт.>, по примеру прежних годов, преимущественно занимался А. А. Бестужев; было уже сверстано и отпечатано несколько печатных листов, как вдруг известные декабрьские события — остановили издание. Все оно исчезло в груде других интереснейших бумаг. Ни в одной из известных нам библиотек как общественных, так и частных, ни у одного <сколько нам известно> из наших библиографов не сохранилось «Звездочки» 1826 г., столь преждевременно потухшей.

Единственный экземпляр уцелел у А. Н. Креницына, которому мы и заявляем нашу признательность за сообщение этой книжечки.

Как по чрезвычайной редкости ее, так и по тем воспоминаниям, на которые она наводит, «Звездочка» 1826 года заслуживает особенного внимания».

Далее следовал подробный перечень произведений, напечатанных в альманахе.

Только через восемь лет Семевскому удалось сообщить в печати об этом издании декабристов. В 1869 году в журнале «Русский архив» появилась его первая публикация содержания «Звездочки», которому предшествовала краткая вступительная заметка об истории альманаха. В ней Семевский упоминает о сожжении тиража «Звездочки» в 1861 году и о спасении Ефремовым второго экземпляра. Здесь же он впервые заявил, что его «Звездочка» была подарена ему Креницыным в 1860 году. Любопытно, что в конце публикации стоит дата «1862 г.», значит, эта редакция статьи была написана после запрещения первой (1861 г.), но и она по цензурным условиям не могла быть напечатана ранее 1869 года.

Через четырнадцать лет Семевский на страницах своего издания «Русская старина» вновь возвращается к «Звездочке». Он публикует цензурную рукопись альманаха, изъятую из типографии Следственной комиссией 14 декабря 1825 года. Копия с этой рукописи, снятая для академика Н. Ф. Дубровина, была предоставлена последним в 1882 году Семевскому. Эта публикация расширила представление исследователей о содержании альманаха, дополнила его новыми, неизвестными ранее текстами.

В 1960 году полное содержание «Звездочки» вместе с предшествующими ей тремя выпусками альманаха «Полярная звезда» было напечатано в издатель-

стве Академии наук СССР с подробным научным комментарием и справочным аппаратом.

...После 1860 года дружеские отношения между Семевским и Креницыным еще более укрепились. Они часто встречались в Петербурге или в усадьбе Креницына в Мишневе. В 1863 году Семевский осуществил длительную поездку по Псковской губернии. Свои наблюдения и впечатления он аккуратно заносил в путевой дневник, который составил несколько объемистых тетрадей. В настоящее время он хранится в рукописном отделе Пушкинского дома. В одной из тетрадей имеются записи о посещении Семевским Креницына.

9 января 1863 года, находясь в Мишневе, Семевский записал в дневнике: «Приятный вечер провел в чтении. Великолукский приговор обо мне, что я пуст. Экспромт Креницына в стихах обо мне. Бедственное положение историка... Множество журналов... выписывается. Страшный беспорядок в библиотеке, в управлении имением и домом».

В чем заключался «приговор» земляков, о котором говорится в данной записи, можно понять из приведенного Семевским в конце тетради экспромта Креницына:

Историк честный и правдивый,
Рассказчик умный и игривый,
Семевский — кажется пустым
Дворянам нашим столбовым.
Об нем судили и рядили
И что он пуст — гурьбой решили.

Не оскверню я ложью уст:
Сказать стыжусь — Семевский пуст,
Но как мне слов важнее дело,
Скажу торжественно и смело:
Что пуст не он — дворянский суд,
Наш пуст — великолукский люд.

Нестолбовой

Судя по записи в путевых заметках, Семевский навестил Креницына еще раз — 24 февраля 1863 года. В эту встречу Креницын, по-видимому, подробно поделился с Семевским своими воспоминаниями, рассказал ему о жизненном пути. Свидетельство этому — краткая биографическая справка о Креницыне, занесенная Семевским в путевой дневник: «Алек<сандр> Николаевич Креницын разжалован в рядовые в 1820 г. из пажей, просил отставку в 1825 — июль — получил отказ от импер. Алек<сандра> I, который удивлялся дерзостью Крени<цына> как он смеет просить отставку, его уволили в 1828 году, — полиц<ейский> же надзор снят с него только в 1836 году; с 1830 г. А<лександр> Никол<аевич> выписыв<ал> одних журналов на сумму до 250 р. сер. русские и французские издания и жил в своем селе Мишнево, под Великими Луками».

Далее Семевский записал другое сатирическое стихотворение Креницына, в котором автор зло высмеивал великолукских обывателей. Об этих стихотворениях Семевский впоследствии писал: «Александр Николаевич держался совершенно в стороне от дразг уездной жизни и лишь изредка бывало хлестнет стихом своим какого-нибудь пошляка, особенно выдающегося... С 1829 года он их не отдавал в печать; стихотворений его набралось немало; как нам, например, известно более двадцати его посланий, шуточных поэм и несколько эпиграмм».

В архиве журнала «Русская старина» сохранилось последнее письмо Семевского к тяжело больному Креницыну, датированное 12 августа 1865 года.

Семевский писал: «По-прежнему люблю Вас всею душою и вижу в Вас честь и гордость моей родины <Великолукского края>... Сегодня только я получил

из цензурных мытарств статью, составленную по материалам с обычной Вам обязательностью доставленным мне. Статья была набрана в корректуре еще к 15 июля, поступила в цензуру и здесь вытерпела искажения: довольно Вам сказать, что Ваше истинно прекрасное и полное благороднейших чувств стихотворение на смерть Пушкина, а также замечательное послание к Вам друга Вашего Ростовцева, — наконец обе эпиграммы — были запрещены цензурою целиком. Только после немалых хлопот удалось мне вырвать из зубов этих церберов русской мысли довольно много, хотя, к сожалению, не все; на посылаемом в Вашу собственность корректурном экземпляре — я, согласно с цензорским экземпляром этой же статьи, нанес все позднейшие, т. е. вчерашние пометки цензора; все, что зачеркнуто чернилами, то уже не увидите в печати, по крайней мере, в этой статье все те поправки, какие сделаны на полях сверху, снизу, с боков — все это войдет в печатный текст статьи. Вам я пришлю, — не позднее как к 25-му августа, — 25 оттисков этой статьи, которая печатается во 2-й август. книжке Отеч. зап. <15 августа>.

Затем, что касается до выброшенных ныне цензурою девяти строк из Вашего стихотворения, двух строк из послания к Вам Ростовцева, — то будьте уверены, — осенью же — я их приведу в печати в одной из новых статей моих (у меня теперь великолепные материалы новые о Пушкине А. С. — (26 неизданных его писем!) Языкова — поэта (46 писем) и проч. Следовательно по поводу чего-либо, я найду-таки случай привести и Ваши поэтические строчки на смерть Пушкина, те собственно строки, какие ныне уничтожены цензурою...

А я ведь помню Ваше обещание — Александр Николаевич: написать мне посланьице в стихах. Поз-

вольте надеяться, что Вы для земляка и поклонника Вашего оседлаете своего Пегаса и он не задумается, привезет Вам — те бойкие, игривые поэтические строки, которые с таким удовольствием читаются.

Жду от Вас присылки также Альмы Соколовского¹ (на время) и возврата писем А. Бестужева из Якутска (копия, тетрадь) и то и другое мне очень нужны.

Адрес мой прежний д. Трута, у Спаса-Преображения, Литейная часть».

28 августа 1865 года Креницын умер. О его последних днях и смерти сообщил Семевскому 10 сентября племянник Креницына — Валерьян Владимирович Креницын. Получив 13 сентября это письмо с печальным известием, Семевский 14 сентября написал некролог, который был напечатан в «С.-Петербургских ведомостях».

В своем письме В. В. Креницын называл М. И. Семевского лучшим другом своего дяди и приглашал его, как в прежние годы, приезжать в Мишнево для работы в богатейшей библиотеке А. Н. Креницына. О дальнейшей судьбе этого замечательного книжного собрания мы, к сожалению, не располагаем достоверными данными.

Начав издание «Русской старины», Семевский всецело отдает себя журналу. К нему, как редактору одного из популярных среди русской интеллигенции исторического издания, стекается значительное количество рукописных документов, а также книжных

¹ В. И. Соколовский (1808—1839) — известный русский поэт 30-х годов XIX в.; был близок к кружку А. И. Герцена, знаком с А. А. Бестужевым, В. Ф. Раевским и другими декабристами. Креницын поддерживал с Соколовским дружеские отношения, переписывался с ним и посвящал ему стихотворения. В данном письме Семевский упоминает драматическую поэму Соколовского «Альма».

редкостей. Через своих многочисленных знакомых, в числе которых были такие собиратели, как П. А. Ефремов, М. Н. Лонгинов, он пополняет свою книжную, рукописную и иконографическую коллекцию.

Его небольшая квартира в Петербурге была местом постоянных встреч и бесед с многочисленными любителями русской литературы, собирателями исторических памятников и печатных изданий.

М. И. Семевский понимал, какое большое значение для отечественной истории и культуры имеет собранная им в течение десятилетий библиотека и коллекция рукописей. Поэтому еще в 1886 году, в пору расцвета творческих сил, Семевский составил проект завещания, по которому все свое имущество, в том числе «рукописи, произведения искусства и библиотеку» он завещал жене Елизавете Михайловне Семевской. Одновременно он просил своих братьев Петра Ивановича и особенно Василия Ивановича (известного историка) после его смерти помогать жене в дальнейшем устройстве дел по изданию «Русской старины». В январе, а затем в мае 1891 года в связи с ухудшением здоровья Семевский повторил свое прежнее завещание, оговорив, что передает право на издание «Русской старины» Василию Ивановичу Семевскому.

Через год, в мае 1892 года, в Кронштадте, где Семевский выступал с лекциями, он скоропостижно скончался от сердечного приступа. После смерти М. И. Семевского все его имущество перешло во владение Е. М. Семевской, а затем — к их дочери Анастасии Михайловне. Наследница богатейшего личного архива Семевских, а также части архива «Русской старины» А. М. Семевская решила в 1919 году передать их в Пушкинский дом. Эта передача продолжалась вплоть до 1927 года.

Вместе с архивом М. И. Семевского в Институт русской литературы поступила и часть его библиотеки, правда, очень незначительная. Среди книг был и декабристский альманах «Звездочка». Наибольшую ценность из находившихся в библиотеке Пушкинского дома книг Семевского представляют первые издания Герцена, в том числе «Колокол», произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева с их дарственными надписями М. И. и Е. М. Семевским и др.

Экземпляр «Звездочки» на 1826 год, принадлежащий библиотеке Пушкинского дома АН СССР, представляет собой небольшую, в 16-ю долю листа книжечку, переплетенную в красный дерматин. На внутренней стороне передней обложки наклеен экслибрис М. И. Семевского.

Альманах насчитывает 64 страницы; в нем, по неизвестным причинам, отсутствуют 11—14 страницы. По сравнению со «Звездочкой», находящейся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и насчитывающей 80 страниц, экземпляр Пушкинского дома меньше по объему. Но и более полный экземпляр Публичной библиотеки не включает в себя всех произведений, представленных издателями альманаха в цензурный комитет, так как восстание декабристов оборвало его набор и печатание.

Экземпляры «Звездочки», разысканные и спасенные от уничтожения свыше ста лет назад выдающимися русскими собирателями, были сохранены и переданы ими словно эстафета через поколения современным ученым и читателям. Последний альманах декабристов, разделивший судьбу его издателей, — это бесценный памятник революционной периодики.

БИБЛИОТЕКА М. Н. ЛОНГИНОВА

 В 1916 году Александра Михайловна Козловская — дочь Михаила Николаевича Лонгинова, известного библиофила и библиографа, — передала безвозмездно Пушкинскому дому находившуюся под Москвой, в Клинском уезде, в сельце Ивановском, замечательную по подбору редких изданий библиотеку своего отца, а также его богатейший архив и музей. Для приема этой уникальной коллекции Пушкинский дом командировал в имение Козловского Б. А. Модзалевского.

Но вывезти в Петроград библиотеку Лонгинова в то время оказалось невозможным. Лишь после Октябрьской революции, взятая под государственную охрану, книжная коллекция Лонгинова была перевезена в Пушкинский дом. Это произошло в 1920—1921 годах.

М. Н. Лонгинов (1823—1875) был сыном Н. М. Лонгинова — статс-секретаря Екатерины II. С детских лет пробудился у него интерес к литературе и книгам. Этому в немалой степени способствовало близкое знакомство его отца с Жуковским, Плетневым, Гоголем, последний некоторое время был домашним учителем Лонгинова.

С 1854 года Лонгинов — чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе; затем он

М. Н. Лонгинов.

служил в Тульской губернии, в 1867—1871 годах был орловским губернатором, а с 1871 по 1875 год — начальником Главного управления по делам печати.

В 1850-х годах Лонгинов был близок к кружку «Современника». В журнале Некрасова он опубликовал немало статей о своих рукописных и книжных находках. Большинство из них посвящено литературе XVIII века и связано с Новиковым, Радищевым, Державиным, Фонвизиним, Херасковым и другими известными деятелями русской литературы. На страницах «Современника» и в иных журналах Лонгинов выступал также с библиографическими заметками и воспоминаниями о Батюшкове, Жуковском, Пушкине, Гоголе, Лермонтове, с сообщениями о найденных им автографах и редких изданиях первой половины XIX века.

Среди людей своего круга Лонгинов был известен также как автор многочисленных стихов в духе Баркова. Часть из них он издал в 1861 году за границей

под заглавием «Стихи не для дам». По отзывам современников, внешне это был веселый, общительный человек, любивший посмеяться, побалагурить. В литературном и журнальном мире его звали снисходительно-иронически Мишей, а за глаза и Мишкой.

Весьма преуспевавший на чиновничьем поприще, Лонгинов в пореформенный период быстро расстался со своими прежними друзьями, с либеральным фразерством и стал верным слугою престола. Занимая с 1871 года пост начальника Главного управления по делам печати — высшего цензурного органа, — Лонгинов на практике стал осуществлять реакционную политику самодержавия в области журналистики и книгопечатания.

Когда весть о назначении Лонгинова дошла до И. С. Тургенева, он с возмущением писал: «Лонгинов автор «Попа»... — сквернейший по всей России губернатор. Публично лаявший на царя за эмансипацию, — сделан начальником нашей несчастной прессы!! — ничего хорошего ожидать нельзя и «Вестнику Европы» грозит карачун. — Он будет злобствовать как Катков — со всей ехидностью ренегата».

Тургенев оказался прав. Новый начальник всероссийской цензурной управы прославился как жестокий гонитель печатного слова. По словам К. И. Чуковского (предисловие к «Медвежьей охоте» Некрасова), ненависть Лонгинова к тогдашним журналам и книгам приобрела патологический характер: «Казалось, он был охвачен безумной манией: уничтожить все зачатки свободной общественной мысли, сжечь, истребить все брошюры, газеты и книги, в которых эта мысль пробивается...

Кажется, не было такого издания в России, которое не пострадало бы от Лонгинова».

В воспоминаниях современников, которым приходилось сталкиваться с начальником главного управления, приведено достаточно фактов и примеров того, как Лонгинов, подчас в нарушение существовавших законов о печати, преследовал и травил авторов и издателей, запрещал и уничтожал книги, журналы, статьи, не соответствовавшие, по его мнению, самодержавному духу.

Образ этого «богохула и сквернословия», ревностного «блюстителя религии и нравственности» неоднократно фигурировал в сатирических произведениях того времени. Запечатлен он и в драматической поэме Н. А. Некрасова «Медвежья охота», в которой, по утверждению К. И. Чуковского, портретное сходство некрасовского Миши и М. Лонгинова несомненно.

Но не своими чиновничьими заслугами по цензурному ведомству Лонгинов обязан тому, что его имя не забыто до настоящего времени. Лонгинов известен в первую очередь как один из видных коллекционеров-библиофилов XIX века и как автор библиографических обзоров, историко-литературных работ и критических статей, которые не потеряли своей познавательной ценности и в наши дни. Своеобразным памятником этому неутомимому собирателю книг можно по праву считать его личную библиотеку, которую он составлял в течение всей своей сознательной жизни.

Богатейшее книжное собрание Лонгинова было по достоинству оценено еще его современниками. В обзоре государственных, монастырских и личных книжных коллекций, который содержится в изданных в 1859 году лекциях по «Истории русской словесности» профессора Московского университета С. П. Шевырева, дана примечательная характери-

стика этой библиотеки. Приведем ее с небольшими сокращениями:

«Для изучения истории русской словесности нового периода, начиная от Кантемира и Ломоносова, это едва ли не первое пособие, потому что библиотека задумана и собрана с этой целью...

В ней заглавий 2659 томов, брошюр, оттисков, листов и т. д. Библиотека, посвященная исключительно русской словесности, составлена из произведений и трудов 927 авторов, переводчиков, редакторов и издателей. Есть много других неизвестных. Она имеет характер чисто литературный и собрана по плану, заранее обдуманному. С 1851 года М. Н. Лонгинов начал собирать ее в Петербурге и собрал разве одну четверть или треть настоящего собрания; сюда вошли и книги, наследованные владельцем от его родителей; все остальное собрано в Москве, начиная с 1854 года...

Самый богатый отдел составляют полные собрания сочинений в стихах и прозе разных авторов. Здесь не забыты и самые плохие писатели, а образцовые, начиная от Ломоносова до Гоголя и Аксакова, собраны во всех, по возможности, изданиях или по крайней мере большей их части. Сюда относятся превосходные экземпляры изданий как полного собрания сочинений, так и отдельных произведений почти всех русских писателей. Альманахи и разные сборники разных авторов представляют также полноту желанную. Русские журналы и главные литературные газеты — довольно полное и редкое собрание. Здесь почти все мелкие сатирические журналы XVIII века и в их числе едва ли не единственная у частных любителей «Поденщина» Василия Тузова 1769 года, все новиковские издания, весь «Сионский вестник», «Европеец» и др. Отдельно изданные произведения:

эпические, драматические, лирические и пр. собраны преимущественно важнейшие по содержанию, имевшие почему-либо особый успех, написанные известными лицами и редкие почему-либо. Тут, между прочим, замечательно собранные в составных томах все произведения, отдельно изданные, авторов, собрания сочинений которых никогда не были вместе напечатаны; например: пьесы Шаховского, Писарева, Загоскина, Кокошкина, Вронченки и других.

Романы, повести и сказки представляют небольшой полный выбор сочинений в этом роде, лучших и более редких.

Остальные книги содержания преимущественно исторического, биографического (особенно о XVIII и XIX веке) и библиографического. Классические книги по разным предметам дополняют библиотеку. Небольшое собрание самых разных масонских книг составляет замечательную редкость и хороший материал для истории мистицизма у нас в России...

Между автографами любопытны надписи на книгах: Державина на великолепнейшем экземпляре его сочинений издания 1808—1816 года его племяннице П. Н. Львовой; Капниста на роскошном экземпляре издания 1796 года, поднесенном Д. А. Державиной; ...Гнедича на экземпляре «Танкреда» и Рылеева — экз. «Полярной звезды» 1824 года, подаренных Николаю Михайловичу Лонгинову (отцу собирателя. — Авт.). Есть автографы Пушкина, Гамалеи, Дмитриева, Жуковского, Аксакова, Чаадаева и других.

Из русских книг можно указать на «Жизнь Сифа» (Ж. Террасона) в пер. Фонвизина, на первые переводы Карамзина: «Юлий Цезарь», «Эмилия Галотти» и другие, на «Российского Жилблаза» Нарежного, на «Пригожую повариху» Чулкова, на «Сатиры Рабенера» (в пер.) Трусоза, на «Думы», на поэму «Война-

ровский» и на «Полярную звезду» всех годов Рылеева и проч. и проч.

Все книги и брошюры переплетены. При библиотеке три каталога: 1) Каталог по отделам; 2) Алфавитная роспись авторов, переводчиков, редакторов и издателей русских; 3) Каталог сочинений по алфавиту авторов».

В последующие шестнадцать лет своей жизни, в особенности во время пребывания в Главном управлении по делам печати, Лонгинов преумножил свою коллекцию не только изданиями XVIII — первой половины XIX века, но также книгами и журналами, которые по цензурным причинам были изъяты из продажи, уничтожены или сожжены.

«К сожалению, в последние годы жизни владельца, а также и после его смерти, — писал в 1917 году Б. Л. Модзалевский, — она (библиотека. — Авт.), в силу различных неблагоприятных обстоятельств, оставалась без достаточного присмотра, а это заметным образом отразилось на цельности ее состава.

Однако когда дочь собирателя (А. М. Козловская. — Авт.), в полной мере унаследовавшая от отца любовь к книгам и к их изучению, решила в 1890-х годах перевезти библиотеку в с. Ивановское и пригласила для составления ее каталога и описания известного библиографа — книголюба П. К. Симони, — последнему пришлось около 10 лет подряд посвящать летние месяцы своего отдыха этой работе: в основной библиотеке оказалось более 6000 названий книг и журналов.

Среди этих книжных сокровищ есть первоклассные библиографические редкости, но главное ее значение — в исключительном, стройном подборе книг по интересовавшим собирателя вопросам. Для размещения библиотеки в Ивановском к дому была

пристроена особая, украшенная ныне портретом М. Н. Лонгинова комната, по бокам которой сделаны были шкафы красного дерева с бронзой. Основная библиотека Лонгинова с переводом ее в Ивановское разрослась присоединением к ней значительного количества книг княгини А. М. Козловской и ее супруга, и сына князя Юрия Михайловича, так что в шкафах теперь уже не хватает места для новых поступлений. Впрочем, в скором времени старые обитатели библиотеки, а именно все книжное собрание М. Н. Лонгинова, покинут Ивановское: княгиня А. М. Козловская, которую уже давно озабочивала мысль о будущей судьбе библиотеки ее отца, ныне решила передать ее в полном и цельном ее составе в Пушкинский дом».

О том, как сотрудники Пушкинского дома доставили это уникальное книжное собрание в Петроград, о том, с какими трудностями им пришлось столкнуться на месте, сколько сил, энергии и времени они затратили на то, чтобы вывезти из Ивановского ценнейшую коллекцию, необходимо рассказать хотя бы кратко.

Не следует забывать, что это были суровые годы гражданской войны, когда молодая республика Советов героически боролась с внутренней и внешней контрреволюцией. С ратными подвигами бойцов на фронте, с трудовыми подвигами рабочих, восстанавливающих разрушенное хозяйство, можно сравнить деятельность лучших представителей молодой советской интеллигенции — ученых, писателей, художников и работников просветительских учреждений, которые в годы войны, разрухи и голода спасли и сохранили для народа бесценные памятники национальной культуры — книги, рукописи, произведения искусства.

В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР хранится «Дело № 10. О приобретении библиотеки М. Н. Лонгинова и ее перевозке из Ивановского в Пушкинский дом».

Первые практические шаги по организации перевозки книг, рукописей и музейных материалов из Ивановского были предприняты Пушкинским домом во второй половине 1920 года. 27 июня директор Пушкинского дома академик Н. А. Котляревский сообщал в Высший Совет Народного Хозяйства: «Командированный в июне с. г. в с. Ивановское ученый хранитель Пушкинского дома (Б. Л. Модзалевский. — Авт.) для осмотра библиотеки Лонгинова нашел, что дальнейшее пребывание ее в селе невозможно, так как развившаяся в доме с. Ивановского, четыре года не отапливаемом, сырость грозит верной гибелью этим ценным научным собраниям. Ввиду всех этих обстоятельств Отдел научных библиотек и Отдел охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе ассигновал Пушкинскому дому особую сумму для немедленной перевозки в Петроград собраний Лонгинова и Пушкинский дом срочно командировует для этого двух своих сотрудников.

Для перевозки библиотеки, насчитывающей свыше 17 000 (кн.), рукописей и музея всего весом от 120 до 150 пд. Пушкинскому дому нужны гвозди (2½—3-х дюймов) для заготовки ящиков и другие упаковочные материалы, как-то: веревки, мешки и рогожи. Гвоздей, по подсчету местных столяров, требуется 5 пд., веревок — 300 саж. для перевязывания ящиков и пакетов, мешков и рогожи — по 60 шт. (без чего жел. дорога отказывается принимать в багаж).

За срочным получением всех этих перевязочных средств Пушкинский дом обращается в Совнархоз с покорной просьбой, причем просит не задержать

выдачу означенных предметов, так как командированные лица должны отправиться в начале следующей недели».

За необходимой помощью Пушкинский дом обращался также в Центральный распределительный комитет, в Главмузей, к председателю Окружного комитета по перевозкам, в Петрокоммуну и в Автогуж, в Металлический отдел Петроградского совнархоза и т. д.

И нужно было действительно обладать незаурядными организаторскими способностями, волей, одержимостью, истинной влюбленностью в книги, русскую литературу, чтобы в то необычайно сложное и тревожное время добиться необходимых средств и согласованных действий, договориться с различными учреждениями и должностными лицами, местными органами, возчиками, столярами, железнодорожниками. Всеми этими качествами обладала сотрудница Пушкинского дома Евлалия Павловна Казанович, которой была доверена трудная и ответственная задача — организация перевозки собрания Лонгинова в Петроград. Вместе с группой командированных в разное время в Ивановское коллег Н. В. Измайловым, Н. В. Яковлевым, Е. Б. Покровской и другими Е. П. Казанович успешно справилась с порученным делом. К концу лета библиотека Лонгинова была доставлена в Пушкинский дом.

Сообщая об этом событии в Отдел охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, Н. А. Котляревский писал: «Несмотря на невероятно тяжелые условия вывоза собрания летом, в горячую рабочую пору, при отсутствии свободных от полевых работ лошадей, при плохих дорогах Пушкинский дом вывез из с. Ивановское весь архив и всю библиотеку, состоящую из 18 000 т., и весьма значительную часть

музейного собрания... Дальнейший вывоз музея, собранного М. Н. Лонгиновым, пришлось приостановить и отложить до санного пути, как следствие того, что все средства, отпущенные на вывоз, были израсходованы, так и еще более потому, что в летнюю пору оказалось немыслимым наладить приготовление ящиков из-за отсутствия свободных рабочих рук...»

И вот библиотека Лонгинова в Пушкинском доме. Расставленная в тех же самых шкафах из красного дерева, в которых она хранилась в Ивановском, она стала не только верным помощником ученых — специалистов по русской литературе XVIII—XIX веков, но и объектом их пристального изучения.

Обращаясь к ученому хранителю Пушкинского дома Б. А. Модзалевскому, дочь Лонгинова А. М. Козловская писала: «Я счастлива, что моя горемыка, наконец, у тихой верной пристани: но, боже, ценой каких эпических, сказочных, «самозабвительных» подвигов удивительной Евлалии Павловны и самоотверженных, скажу, действий!»

Библиотека Лонгинова, в основном сохранившаяся в том составе, в котором она была перевезена в Пушкинский дом, является ценнейшей коллекцией книг по истории русской литературы и журналистики XVIII—XIX веков. За исключением небольшой части книг, утраченных по разным причинам, в ней сохранились все те редкие издания с автографами известных поэтов и писателей, о которых упоминалось выше.

В коллекции Лонгинова находится альманах «Полярная звезда» на 1824 год, некогда принадлежавший отцу собирателя, с редчайшим автографом К. Ф. Рылеева: «Его превосходительству Николаю Михайловичу Лонгинову в знак глубочайшего уважения от издателей». Вручая ему же перевод вольтеровской

трагедии «Танкред», Н. И. Гнедич оставил на титульном листе следующую надпись: «Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Лонгинову от переводчика».

Из перечисленных выше Шевыревым книг с дарственными надписями до нас дошли также «Сочинения» Г. Р. Державина, изданные в 1808 году с посвящением его племяннице: «Любезной моей Прасковье Николаевне Львовой. Державин. Марта 16 дня 1809 года. С.-Петербург».

«Милой сестре Дашеньке» — с такой надписью В. В. Капнист подарил свои «Сочинения» (1796) жене Державина — Д. А. Державиной.

Упомянутые издания, вероятно, попали в библиотеку Лонгинова вместе с книгами его отца. Но не исключено, что «Сочинения» Державина и Капниста, как и подобные им редкие экземпляры, могли быть приобретены позднее и самим собирателем.

Из книг и оттисков, подаренных авторами самому М. Н. Лонгинову, можно составить небольшую самостоятельную библиотеку изданий с автографами известных поэтов, писателей, ученых 50—70-х годов прошлого века. Среди них встречаем имена Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, А. Ф. Одоевского, А. Велетмана, А. П. Плещеева, М. П. Погодина, П. А. Ефремова, М. И. Семевского, В. И. Межкова, Н. В. Гербеля, А. Н. Афанасьева и многих других.

Но богатство этой коллекции, во многом напоминающей библиотеку Н. П. Смирнова-Сокольского, заключается не только в подборе редких изданий и великолепном репертуаре периодической литературы. Одним из ее несомненных достоинств является то, что многие книги, а особенно периодические изда-

ния — журналы и альманахи (последние составляют одно из наиболее полных собраний в Ленинграде), снабжены Лонгиновым многочисленными библиографическими заметками и дополнениями справочного и уточняющего характера. Это относится не только к раскрытию подлинных имен авторов художественных произведений и статей, опубликованных анонимно или под псевдонимами, но также к истории издания, биографии их авторов; в них содержатся сведения и о том, как та или иная книга поступила в библиотеку Лонгинова.

Как правило, Лонгинов свои заметки, которые он называл то «Примечания», то «Содержание», выносил на передний форзац. Но в зависимости от размера они нередко занимали не только передний и задний форзацы, но и внутренние стороны обложки.

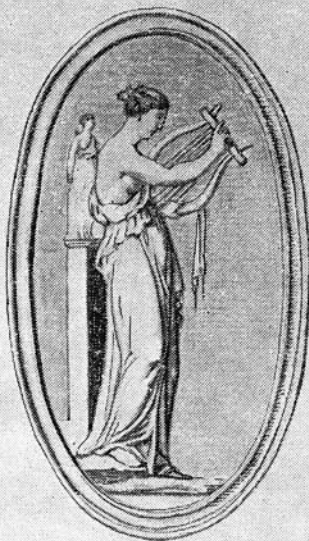
В небольшом «Примечании», предпосланном собирателем книге Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе» (СПб., 1844), говорится: «Книга редкая. Экземпляры ее отбирались, ибо в ней нашли злую сатиру на управление Кавказским краем. Я видел сам исчерченный красным карандашом экземпляр, который привозил Л. В. Дубельт военному министру (в канцелярии которого я служил) и мне показывал».

Примером подробнейших «Примечаний» Лонгинова могут служить его заметки, которыми он снабдил «Сочинения» И. И. Дмитриева, чч. 1—3, изд. 4 (М., 1814) и «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева», чч. 1—2, изд. 6 (СПб., 1823).

На переднем форзаце «Сочинений» И. И. Дмитриева Лонгинов дал перечень изданий произведений и публикаций писем поэта, начиная с 1795 по 1868 год; этот библиографический список насчитывает 17 номеров. За ним следует указатель критических

СОЧИНЕНІЯ
ДМИТРІЕВА.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА

1814

Из библиотеки М. Н. Лонгинова.

статей о поэте, напечатанных в журналах в 1803—1861 годах (12 номеров). На задних форзацах и обложке в хронологической последовательности Лонгинов своим бисерным почерком перечислил «Стихотворения, не находящиеся в этом издании» (1814). В своеобразную прикнижную библиографию он включил 134 поэтических и 8 прозаических произведений Дмитриева с указанием сборников, номеров и страниц периодических изданий, в которых были опубликованы произведения и письма поэта более чем за 35 лет.

Но кроме этих многочисленных помет в книге существуют и другие. Каждое стихотворение, включенное в «Сочинения» Дмитриева, снабжено библиографическими справками и подстрочными примечаниями, содержащими сведения о первых публикациях; если это был перевод, подражание или заимствование, то он приводит также имя автора оригинала, а часто и подлинное название самого произведения.

Огромный по объему и ценнейший по содержанию справочный аппарат, которым оснащено четвертое издание «Сочинений» Дмитриева, явился результатом трудоемких и кропотливых библиографических разысканий Лонгинова. Они были положены им в основу двух его публикаций об изданиях произведений поэта, напечатанных в журнале «Русский архив» (1863).

Шестое издание «Стихотворений» И. И. Дмитриева (1823) Лонгинов также снабдил подробными примечаниями, в которых перечислил свыше ста произведений поэта, не включенных в данное «исправленное и уменьшенное» издание сочинений поэта. В конце пространного перечня Лонгинов записал: «Это шестое издание замечательно биографией Дмит-

риева, написанной князем П. А. Вяземским и не напечатанной при других изданиях, а равно и как доказательство недоверчивости Дмитриева к своему таланту».

Приведенные примеры справочно-библиографического оснащения собранных Лонгиновым изданий убедительно подтверждают значение его библиотеки как первоисточника, дающего в руки исследователя самые разнообразные сведения о той или иной книге, журнале, альманахе, а также об их авторах.

Все эти библиографические материалы имеют первостепенное значение при изучении отечественной литературы и журналистики, так как роспись многих периодических изданий XIX века отсутствует. Мы уже не говорим о том, что наличие редчайших изданий, сохранившихся в нескольких или единичных экземплярах, превращает это собрание в уникальную книжную коллекцию, в которой с достаточной полнотой отражена история книгопечатания в России в XVIII — первой половине XIX века.

ПОИСК

 Как-то разбирая архивные дела библиотеки Пушкинского дома, я обратил внимание на невзрачную с виду, некогда белую, но со временем посеревшую, истрепанную папку. В ней находилась рукопись, в которой были перечислены книги на русском и иностранном языках.

Перед названием каждой книги стоял порядковый номер, состоящий из нескольких цифр. Эти сложные номера, по-видимому, были шифрами книг, по которым прежний владелец библиотеки расставлял их в своих шкафах.

Без сомнения, в моих руках находилась опись неизвестной личной библиотеки. Это была тщательно подобранная библиотека русских и зарубежных драматических произведений XVII—XIX веков, а также изданий по истории отечественного и европейского театров.

Кому принадлежала эта книжная коллекция? Где находится она теперь? Сохранилась ли полностью, частично или безвозвратно утрачена? Начались долгие и упорные поиски. В них кроме автора этих строк приняли участие сотрудники библиотеки С. А. Эстрин, Ф. В. Ильина, К. Ф. Ванягина.

Нам было известно, что в Пушкинском доме наряду с другими личными коллекциями находится и

библиотека великого русского драматурга А. Н. Островского. Состоящая из нескольких десятков иностранных книг, она хранилась в отдельном шкафу. В найденной же нами рукописи было перечислено свыше тысячи различных изданий на русском и иностранном языках.

С трудом расшифрованные и прочитанные карандашные записи дали возможность обратиться к каталогам библиотеки и с их помощью начать поиск книг. Первые же результаты принесли неожиданный успех.

На всех обнаруженных в фонде книгах, журналах, сборниках, на внутренней стороне переплетов или в верхней части бумажных обложек черными чернилами были проставлены цифры, соответствующие цифровым обозначениям в рукописном каталоге. На большинстве из найденных нами книг имелись четкие, лаконичные надписи: «А. Н. Островский». И если до этого мы сомневались в своих предположениях относительно принадлежности указанных в рукописи книг, то теперь окончательно убедились в том, что в наших руках находится каталог личной библиотеки А. Н. Островского.

Определив это, мы должны были установить автора описи. Каталог был составлен явно не рукой драматурга. Наше предположение подтвердила и тщательная экспертиза. «Не Островский», — решительно заявила ответственный хранитель рукописного отдела Пушкинского дома М. И. Малова — большой знаток рукописей и почерка драматурга.

Да, это был действительно не его почерк. И хотя было немного жаль расставаться с теплившейся надеждой — а может быть это сам Островский? — пришлось отказаться от заманчивой версии. Но кто же тогда составил опись его библиотеки?

Прошло еще несколько месяцев, и вся находившаяся в библиотеке Пушкинского дома коллекция Островского была собрана воедино. Но, к сожалению, она составила немногим более половины того количества книг, которое было указано в описи. Какова же судьба библиотеки Островского, где затерялась известная нам, но отсутствовавшая в настоящее время не менее важная и ценная другая ее часть? А сколько книг вообще имелось в библиотеке при жизни драматурга? Когда она была передана в Пушкинский дом? На все эти вопросы необходимо было ответить.

В Ленинграде на Красной улице живет внучка великого драматурга Мария Михайловна Шателен — дочь Марии Александровны Островской и Михаила Андреевича Шателена. Общительная и чрезвычайно добродушная женщина, она приветливо встречает каждого, кто обращается к ней с вопросами, относящимися к ее знаменитому деду, к творчеству которого она питает горячую любовь.

Многие не знают, что М. М. Шателен после Октябрьской революции явилась одним из первых организаторов музея А. Н. Островского в его усадьбе Щелыково, превращенной по решению Советского правительства в заповедник. Она была его первым директором, неустанным собирателем и бережливым хранителем дорогих для нее реликвий, связанных с именем драматурга.

И в наши дни Мария Михайловна часто навещает Щелыково, где принимает активное участие в организации новых экспозиций в доме-музее А. Н. Островского, в воссоздании и охране памятных мест.

Когда книги, принадлежавшие Островскому, были в основном собраны, мы обратились к Марии Михайловне с просьбой рассказать, что она знает о судьбе

библиотеки Александра Николаевича и ее рукописном каталоге.

После смерти ее деда в 1886 году, рассказывала М. М. Шателен, его семья — вдова Мария Васильевна Островская с детьми — вскоре переехала в Петербург и перевезла с собой из Москвы рукописи, библиотеку и другие вещи, принадлежавшие драматургу. В 1907—1908 годах старший сын Островского Александр Александрович составил опись библиотеки своего отца, которая в те годы насчитывала свыше 1140 названий. Эта рукопись и была найдена нами в старом архиве.

В начале 1920-х годов один из сыновей Островского — Сергей Александрович стал сотрудником Пушкинского дома. После его смерти М. М. Шателен передала в 1929 году хранившуюся в его квартире библиотеку драматурга в Пушкинский дом, приблизительно в том составе, в каком она собрана в настоящее время.

Недостающая ее часть, по словам Марии Михайловны, была перевезена членами семьи Островского из Петербурга в Щельково. Но с 1914 по 1918 год в усадьбе не жил ни один из родственников Островского, и многие книги в те годы были утрачены. Сохранившаяся же часть щельковской библиотеки, которая, кстати сказать, имеет свою, самостоятельную опись (подлинник ее находится в заповеднике) была вывезена в г. Иваново. Местонахождение ее не установлено.

По неизвестным нам причинам в начале 1930-х годов из переданной в Пушкинский дом библиотеки Островского было выделено в отдельную коллекцию небольшое количество иностранных книг, а остальные — русские и значительная часть иностранных — вошли в основной фонд книгохранилища и, по

существо, растворились в нем. Случайно обнаруженный список библиотеки драматурга помог разыскать принадлежавшие ему книги.

К настоящему времени найдено свыше 600 книг и журналов, некогда входивших в библиотеку Островского. Это лишь небольшая часть обширного книжного собрания одного из создателей русского национального театра.

А. Н. Островский был страстным любителем и знатоком книг, которые он собирал в течение всей своей жизни. В его письмах и дневниках, в воспоминаниях и письмах современников имеются многочисленные упоминания об изданиях, приобретенных им в России и Западной Европе или полученных в дар от друзей и почитателей его таланта.

Сохранилось, пожалуй, единственное полузабытое воспоминание университетского товарища сына драматурга С. А. Островского — Н. Н. Луженовского, написанное через несколько месяцев после смерти Александра Николаевича. В этом воспоминании содержатся интересные факты о библиотеке Островского.

«Кабинет... драматурга — была обширная высокая комната, с двумя окнами в большой палисадник... Две стены заняты ореховыми шкафами. За их стеклами можно разглядеть солидную драматическую библиотеку литератур отечественной и иностранных, образцы которых в подлинниках и переводах с любовью и знанием собирал покойный. Тут произведения всех западных сцен, всех веков и национальностей: греческие трагедии в русском и Аристофан в латинском переводе; подлинники Плавт и Теренций, Кальдерон и Шекспир, Сервантес и Гоци, Корнель и Метастазио, Расин и Гольдони, Скриб и Мольер, все псевдоклассики, драматурги романтической школы, все, или

почти все новые французские драматурги, как Ожье, Сарду, Фелье и многое другое, худое и хорошее, посредственное и глубокое.

Русская переводная и оригинальная драматургия представлена здесь как нельзя полнее, начиная с «действ» XVII в., продолжаясь «Российским феатром» и кончая последними новинками нашей сцены. Всего в библиотеке Александра Николаевича можно насчитать до 3000 названий. Отдельный шкаф ее занят критическими трудами, учеными исследованиями по истории... сцены и литературных ее корифеев; собрание русских летописей, песен, сказок, пословиц и т. п. пополняет эту коллекцию источников».

Почти половину книг и журналов, указанных в рукописном каталоге московской библиотеки драматурга, а также найденных нами по рукописному списку в библиотеке Пушкинского дома, составляют отечественные издания, краткая характеристика которых дана в воспоминаниях Н. Н. Луженовского. Эта часть библиотеки Островского представляла собой обширную, тщательно подобранную коллекцию почти всего репертуара русского театра, начиная с его зарождения и кончая первой половиной 80-х годов XIX века.

В книжном собрании по истории национального театра сохранились первые публикации и переиздания драматических действий, которые ставились придворными театрами в XVII веке. Большую редкость представляют издания оригинальных и переводных драматических произведений XVIII столетия.

Но наиболее обширное место в библиотеке Островского занимает художественная литература XIX века — русская и переводная драматургия, проза, поэзия, представленные собраниями сочинений и отдельными публикациями произведений отечествен-

ных и зарубежных писателей, драматургов и критиков.

Ценнейшими среди этой коллекции являются книги с дарственными надписями и теплыми дружескими посвящениями Островскому от Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Г. Сундукяна, собирателя фольклора П. В. Шейна и многих других известных писателей, поэтов и ученых.

«Александр Николаевичу Островскому от приятеля и почитателя. Ив. Тургенев» — с такой надписью автор подарил драматургу оттиск своей повести «Накануне», напечатанной в журнале «Русский вестник». На пятой части «Стихотворений» Н. А. Некрасова (1873) сохранился краткий, но выразительный автограф поэта: «Доброму другу и товарищу А. Н. Островскому. Н. Некрасов». Дарственную надпись находим мы на форзаце романа И. А. Гончарова «Обрыв» (1870): «Александр Николаевичу Островскому в знак живейшей симпатии и глубокого уважения к нему и его таланту. От автора».

Во время поездки по Грузии в 1883 году Островский встретился в Тифлисе с известным армянским драматургом Г. Сундукяном, который подарил ему на память о встрече несколько изданий своих пьес на армянском языке с посвящением: «Александр Николаевичу Островскому в знак глубочайшего уважения от автора. 28 октября 1883 г. г. Тифлис».

В самостоятельную подборку коллекции Островского выделена русская историческая литература: издания летописей и памятников фольклора, монографические исследования по истории, этнографии и народному творчеству. «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией» (тт. 1—4). «Акты исторические,

собранные и изданные археографическою комиссиею» (тт. 1—4).

Среди сохранившихся книг драматурга особого внимания заслуживают конволюты — сборники пьес, составленные Островским из журнальных оттисков и вырезок. В эти сборники включались главным образом первые публикации сценических произведений русских драматургов или переводы пьес иностранных авторов, а также теоретические исследования по истории театра и критические статьи, опубликованные в современных журналах.

Почти на всех форзацах или на специально вклеенных листах сохранившихся конволютов рукой Островского, а чаще всего переплетчика нанесены чернилами фамилии авторов и названия их пьес в той последовательности, в какой они были расположены драматургом для переплета.

Судя по рукописному каталогу московской библиотеки Островского, у него имелось несколько десятков подобных сборников. Они свидетельствуют о постоянном и глубоком интересе создателя национального театра к современной ему драматургии, справедливым ценителем и строгим критиком которой он всегда был.

На большинстве русских книг имеются лаконичные надписи-автографы: «А. Н. Островский». Но главную ценность для изучающих литературное наследие Островского представляют многочисленные пометы и заметки, оставленные драматургом в текстах, на полях, на обложках принадлежавших ему отечественных и зарубежных изданий.

Пометки Островского дают возможность литературоведам и искусствоведам проникнуть в творческую лабораторию драматурга, полнее представить и оценить ту огромную подготовительную работу, ко-

торая предшествовала и сопутствовала созданию драматических произведений, переводческой и критической деятельности Островского. Они расширяют наши знания об Островском как постановщике и режиссере, помогают познать необычайную широту его исторического и литературного кругозора.

Так, если обратиться к пометкам драматурга в упомянутых выше «Актах...», то перед нами предстанет наглядная картина кропотливого подготовительного труда, связанного с созданием исторических пьес «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Воевода». В эти произведения Островский перенес из рукописных памятников не только подлинные имена участников исторических событий. Он также щедро заимствовал из документальных памятников необходимые сведения для воссоздания реальных картин той эпохи, в которой жили и действовали его сценические герои.

Все сохранившиеся заметки на обложках и форзацах археографических изданий имеют отсылки к соответствующим страницам, что облегчает определение источников, которыми пользовался драматург. Обратимся, например, к первому тому «Актов, собранных... археографической экспедициею». Здесь, на внутренней стороне заднего форзаца и обложки, сохранился составленный Островским большой список, представляющий собой перечень разговорно-бытовых слов, имен, названий местности и орудий труда. Почти каждому вынесенному в конец книги слову драматург дал современное его толкование или пояснение: «корытина (озерцо); весчий (товар); жеребейники (пайшики)» и т. д.

Эти своеобразные словари древнерусских слов, имен и книжных выражений, наряду с другими

пометками драматурга, несомненно вызовут интерес у исследователей его творчества.

В русских книгах имеются и другие многочисленные заметки Островского, непосредственно не связанные с содержанием его драматических произведений. В большинстве случаев они выражают суждения Островского о прочитанном, его оценку исторических сведений, фольклорных материалов, художественного мастерства писателя или переводчика. Нередко в этих надписях проявлялось резко отрицательное отношение Островского к автору той или иной книги, к излагаемым в ней фактам. Примером последнего может служить его замечание на полях книги Н. И. Греча «Записки о моей жизни».

В иных случаях Островский не довольствовался тем, что отмечал неточности, ошибки и промахи, допущенные авторами и переводчиками. Нередко он стремился исправить их сам, и тогда рядом с отмеченным неудачным словом или выражением Островский приписывал возможные, с его точки зрения, варианты смысловых и стилистических поправок. Множеством интересных дополнений и исправлений изобилует книга П. В. Шейна «Русские народные песни». О высокой требовательности Островского к мастерству переводчика свидетельствуют его заметки на французском переводе драмы «Гроза» (1885), которым он был очень недоволен.

Значительное место в библиотеке Островского было отведено собранию произведений зарубежных авторов. Иностранная часть коллекции весьма интересна в связи с переводческой деятельностью драматурга.

Островскому, как известно, принадлежат многочисленные переводы с французского, итальянского, испанского, английского и латинского языков. Мно-

гие оригинальные тексты, которыми он пользовался во время творческой работы, сохранились и снабжены его пометками.

Особенно богатой по содержанию была коллекция французской классической и современной Островскому драматургии. В нее входили многотомные собрания сочинений и отдельные издания произведений Корнеля, Расина, Мольера, Вольтера, Бомарше, Ж. Санд, В. Гюго, Э. Золя, А. Мюссе, а также различные сборники, выпущенные во Франции во второй половине XVIII века. В последних изданиях была широко представлена мировая драматургия.

Островскому принадлежат несколько переводов и переделок пьес французских авторов. К ним относятся драмы, комедии и водевили М. Маллиана и Э. Кориона, А. де Лери, Т. Баррьера и Э. Капандю, Ж. Баяра, П. Фуше и Л. Арвера... На основе французского текста драмы Л. Жаколио «Дэвадаси» («Баядерка») Островский перевел в 70-х годах пьесу народного тамильского драматурга Паришурамы. К сожалению, оригинальные тексты упомянутых авторов утрачены.

Среди французских книг в библиотеке драматурга сохранились произведения Мольера в изданиях конца XVIII — начала XIX века. Об увлечении Островского мольеровским театром свидетельствует его письмо от 19 июня 1885 года нижегородской поэтессе А. Д. Мысовской, в котором он предлагал последней перевести совместно с ним все пьесы великого французского комедиографа.

Интерес Островского к итальянской и испанской литературам нашел свое отражение не только в его переводах, но также в собранной им коллекции книг на этих языках. С итальянского языка Островский перевел пьесы И. Франки, Т. Чикони. К. Гольдони,

П. Джакометти, П. Косса, Р. Костельвеккио, Н. Макиавелли, А. Грацциани, предисловие К. Гоцци к сценическим сказкам и его комедию «Женщина, истинно любящая». В отличие от французских текстов большинство пьес итальянских авторов, переведенных Островским, сохранилось в его библиотеке и имеет (особенно комедии Гольдони) многочисленные пометки. Эти пометки в текстах иностранных изданий расширяют наши представления о переводческой деятельности Островского. Так, например, до настоящего времени из письма В. И. Вейнберга к драматургу от 14 января 1883 года было известно, что Островский намеревался перевести для журнала «Изысканная литература» пьесу итальянского комедиографа XVIII века К. Гоцци «Король-Олень». В коллекции Островского сохранилось собрание сочинений К. Гоцци в 14 томах (1801—1803). Пометки драматурга в тексте этой трагикомедии подтверждают знакомство Островского с этим произведением и начало работы над его переводом. И только, видимо, большая занятость помешала осуществить задуманное.

Но наиболее близок Островскому был творец «Дон-Кихота» — Сервантес, создатель народных интермедий, которые, по словам драматурга, были истинными перлами искусства «по неподражаемому юмору и по яркости и силе изображения самой обыкновенной жизни».

Островский перевел на русский язык все восемь интермедий Сервантеса, а также приписываемую ему интермедию «Два болтуна».

Луженовский впоследствии писал: «До недавнего момента он трудился, напрягая все силы... Это был, помимо таланта, образцовый труженик и неутомимый работник. На старости лет выучился он испанскому языку, с которого перевел интермедии Серван-

теса; его мечтой было перевести еще некоторые главы «Дон-Кихота» с народными сценами и поговорками».

В библиотеке Островского сохранился экземпляр издания с оригинальными текстами интермедий Сервантеса (1868), с которого и был сделан перевод. Книга испещрена многочисленными пометками, свидетельствующими о стремлении драматурга точно передать содержание и художественную форму подлинника. В коллекции Островского имеются также двухтомное издание на французском языке «Дон-Кихота» и первый том этого романа на испанском языке.

В рукописном наследии Островского сохранились фрагменты его переводов пьес Кальдерона — драмы «Вера в крест» и комедии «Дом с двумя входами трудно стеречь». Четыре тома комедий Кальдерона на испанском языке были подарены Островскому, как об этом свидетельствует дарственная надпись, Ф. А. Бурдиным в 1863 году. Кроме этого издания до нас дошел также однотомник избранных сочинений Кальдерона на французском языке.

Но упомянутыми авторами не исчерпывается коллекция испанской драматургии. Сюда же следует отнести произведения Лопе де Вега, представленные в собрании Островского французскими серийными изданиями.

Одним из первых переводческих опытов Островского (1850) был его прозаический перевод комедии Шекспира «Усмирение своенравной» («Укрощение строптивой»). К этой пьесе он вернулся в 1865 году и перевел ее снова в стихах. Незадолго до смерти, будучи уже тяжело больным, Островский обратился к переводу трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра».

Создания великого английского драматурга всегда привлекали внимание Островского. О серьезной требовательности художника к переводам Шекспира убедительнее всего говорят нам его рукописи. Это подтверждают и свидетельства современников. Так, Луженовский в своих воспоминаниях писал: «За день до смерти он (Островский. — Авт.) продолжал свой «ученический» перевод «Антония и Клеопатры». Он говорил, что учится на этом переводе английскому языку у Шекспира; сначала переводил он буквально слово в слово, затем г. Ватсон (по сцене Дубровин — актер Малого театра. — Авт.), англичанин и знаток всех тонкостей шекспировского языка, пояснил Александру Николаевичу смысл каждого фигурального выражения; затем уже после подробнейшего изучения и комментирования текста, причем призывались на помощь и лучшие критики Шекспира, Александр Николаевич приступал к версировке перевода белыми стихами!!»

В упомянутом выше письме Островского к А. Д. Мысовской содержится резкий отзыв драматурга о современных ему буржуазной оперетте и балете. Советуя писательнице испробовать свои силы в жанре комедии, Островский предлагал ей заняться переводами английских феерий. Дальнейшая переписка между ними свидетельствует о том, что драматург в 1885—1886 годах сам обратился к переводу феерий «Белая роза» («Аленький цветочек») и «Синяя борода». Последняя пьеса сохранилась в библиотеке Островского.

Островскому принадлежат также незавершенные переводы пьес латинских драматургов: Плавта, Теренция, Сенеки. Упомянутые авторы представлены в его коллекции сохранившимся пятнадцатитомным французским изданием. В последнем, 15-м томе Ост-

ровский оставил множество пометок. Самостоятельное место занимает в библиотеке Островского немецкая литература и драматургия, представленные сочинениями Гёте, Шиллера, Лессинга, Гофмана и других писателей.

В кратком обзоре книжного собрания Островского невозможно перечислить всех авторов и их произведения, входившие в его прижизненную коллекцию. Мы рассказали лишь о тех отечественных изданиях и оригинальных текстах зарубежных драматургов, которые сохранились в библиотеке и были в той или иной степени использованы Островским в его творческой и переводческой практике.

В результате библиографических разысканий сотрудниками Пушкинского дома удалось установить почти полностью тот состав библиотеки Островского, какой был через двадцать лет после его смерти.

Итогом этих длительных поисков явилась опубликованная несколько лет назад опись книжной коллекции драматурга: «Библиотека А. Н. Островского». В печатный каталог коллекции А. Н. Островского, изданный Библиотекой Академии наук СССР, включены библиографические описания всех сохранившихся и несохранившихся изданий, а также воспроизведены все пометки, внесенные в тексты книг рукой драматурга.

Но поиск книг Островского не окончен. В изданном каталоге зафиксированы и специально отмечены еще не найденные книги. Поиск начат. Он должен быть продолжен.

СОБИРАТЕЛЬ ПУШКИНСКИХ РЕЛИКВИЙ

 До сих пор не выяснено, кем был по происхождению Александр Федорович Онегин, создавший во второй половине XIX века замечательный музей в Париже. Он собрал в нем значительное количество рукописей Пушкина и других русских писателей, портретов, иллюстраций, мемориальных предметов, а также богатейшую по составу коллекцию отечественных и зарубежных изданий. Подлинная фамилия Онегина была Отто. Существует несколько версий о его рождении. По одной он — незаконно рожденный сын В. А. Жуковского, по другой — Александра II. Сам же Онегин в одном из своих писем говорит о том, что был найден подкинутым в Александровском парке и крещен «по соседству в Троицкой церкви».

Известно, что Онегин учился в Третьей с.-петербургской гимназии вместе с сыном Жуковского Павлом Васильевичем Жуковским, с которым в последующие годы поддерживал дружеские отношения. Что заставило Онегина — студента Петербургского университета — покинуть в 1860 году Россию и навсегда поселиться в Париже, также остается тайной.

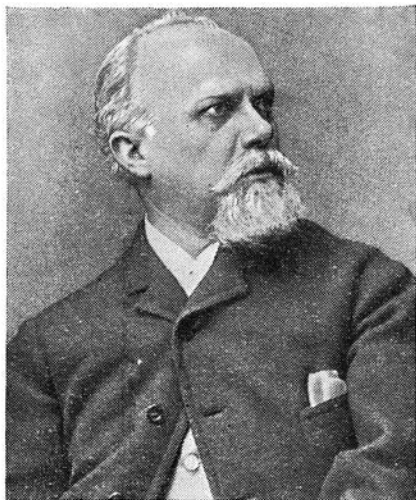
Высказывались предположения, что именно горячая любовь Онегина к Пушкину и его поэзии была причиной изменения его фамилии. А так как в те

времена на это требовалось высочайшее разрешение, оно же было получено Онегиным относительно легко, то в этом акте тоже усматривали доказательство не случайного благосклонного отношения двора к эмигранту.

В критической литературе бытует такая версия, что Онегин является прототипом Нежданова — одного из героев повести И. С. Тургенева «Новь». Сторонники данной гипотезы находят подтверждение этого в личных дружеских связях писателя с Онегиным, в знании Тургеневым интимных биографических подробностей основателя этого парижского музея.

По словам Б. Л. Модзалевского, близко знавшего Онегина, последний «обосновался в Париже и, давая уроки и существуя случайными заработками, начал собирать библиотеку русских книг, преимущественно же издания сочинений Пушкина, а также сочинения о нем. Знакомство и связи А. Ф. Онегина... со многими жившими за границей русскими писателями... дали ему со временем возможность обогатить свое историко-литературное собрание не только книгами, но и ценными рукописями и предметами».

Он «получил от своего товарища... Павла Васильевича Жуковского... пакет с рукописями Пушкина, принадлежавшими В. А. Жуковскому. Через два года П. В. Жуковский подарил Онегину и те бумаги своего отца, которые имели отношение к дуэли и смерти Пушкина, к посмертному изданию его стихотворений и к делам опеки над его детьми и имуществом. Эти бумаги, полученные от П. В. Жуковского, и послужили основанием будущего рукописного собрания Онегина... Мало-помалу в нем сосредоточилось довольно большое собрание писем и рукописей И. С. Тургенева, А. К. Толстого, Я. П. Полонского,

А. Ф. Онегин.

И. С. Аксакова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, гр. Ростопчиной, А. И. Герцена и многих других».

Среди книжного собрания Онегина Модзалевский особенно выделил часть «личной библиотеки В. А. Жуковского, количеством до 400 томов, среди которых много сочинений, поднесенных Жуковскому самими авторами».

Со временем Пушкинский музей в Париже, находящийся на улице Marignan, 25, в районе Елисейских полей, стал местом паломничества русских и зарубежных писателей, художников, ученых, среди которых были А. Чехов, Вяч. Иванов, М. Горький, А. Франс, И. Прянишников, М. Волошин, В. Фигнер, П. Виардо, М. Ковалевский, Н. Рерих, И. Бунин, А. Н. Толстой и многие другие.

Известный советский литературовед А. Б. Дерман, посетивший весной 1911 года парижский музей, впоследствии на страницах журнала «Огонек» (1941, № 14) рассказал о своих впечатлениях от встреч и бесед с собирателем уникальной коллекции.

«Квартира Онегина, — вспоминал Дерман, — находилась в одном из лучших кварталов Парижа, но сама по себе была весьма невзрачна. Вход в нее был справа, под длинным сводом въездных ворот... Она состояла вся из трех небольших комнат, чрезвычайно, правда, загроможденных... Квартира Онегина представляла собой собрание музейных предметов... Стены были увешаны портретами писателей, артистов, композиторов... Удельный вес... чисто пушкинских материалов среди всяких других был очень значительным. На первом месте здесь нужно поставить, конечно, большое количество рукописей Пушкина.

Всю заднюю стену главной, центральной части квартиры-музея занимали шкафы с книгами в однородных переплетах. Это была библиотека Жуковского, перешедшая после смерти поэта к его сыну Павлу Васильевичу, а от сего последнего — к Онегину...»

Знакомя нового посетителя с рукописями, книгами, портретами и другими музейными экспонатами, Онегин, пишет Дерман, попутно рассказывал ему замечательные случаи приобретения различных предметов своего собрания. Так, показав первое издание «Руслана и Людмилы» в черном дешевеньком переплете, он сообщил мне фантастическую историю по поводу этой невзрачной на вид книжонки.

У Онегина были налажены постоянные связи с парижскими букинистами. Между прочим, было заведено не пускать в продажу до просмотра Онегиным никаких книг на русском языке. Раз или два

Книги и журналы из собрания А. Ф. Онегина.

в месяц он обходил своих контрагентов и отбирал себе, что нравится.

«Вот так прихожу однажды, — рассказывает он, — и подают мне охапку разного книжного хламу. В числе прочего первое издание «Руслана и Людмилы», потрепанная книжка, без переплета. У меня уже

было такое издание, но я забрал, принес домой и даже не раскрыл, положил в папку для переплетчика, который принимал у меня работу тоже раз в месяц. Вернулась книжка из переплетной, я как-то случайно заглянул. Вижу: пометки карандашом на полях. Пригляделся.... Вдруг как ударило в голову: мать пресвятая богородица, да ведь это Пушкина рука! И что же ты наделал, дуралей: половину пометок переплетчик срезал! Побежал к нему, перерыл всю бумажную труху, какая нашлась, — где там! Ведь вот чудо случилось, сама к тебе от Пушкина книга пришла и где? В Париже! А ты взял да испакостил...»

Сведения о богатейшей парижской коллекции пушкинских материалов стали все чаще появляться на страницах русских газет и журналов. «Все, кому дороги судьбы русской литературы и истории общественного самосознания России, заинтересованы в сохранении этого неоценимого ни на какие деньги Пушкинского музея... — писал в 1907 году Е. Семенов в «Иллюстрированном еженедельнике». Ученые, литераторы, критики прибегают к содействию г. Онегина, который никогда в нем не отказывает, в пределах естественной осторожности и интересов сохранности национального сокровища... Наша Академия избрала его в число тринадцати членов комиссии, на которую возложена редакция академического издания полного собрания сочинений Пушкина...

Возникает вполне естественный вопрос, — продолжал Е. Семенов, — что же будет, когда собственника парижского музея не станет?

Александр Федорович Онегин совершенно одинок и никаких наследников не имеет... Пушкинскому музею в Париже грозит опасность сделаться объектом фискальных вожделений и полицейских манипуляций, если в дело не вмешается какая-нибудь компе-

тентная и авторитетная власть. Этой властью может быть, конечно, только какое-нибудь высшее ученое или вообще культурное учреждение. Но вмешательство его должно быть заблаговременное, а не запоздалое. Форма его может быть найдена и осуществлена по соглашению с Онегиным».

9 декабря 1907 года член Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге министр финансов В. Н. Коковцев, посетивший в сентябре того же года Пушкинский музей в Париже, представил «всепоподданнейший доклад» о желательности приобретения для Пушкинского музея принадлежащей Онегину коллекции. О содержании этого доклада можно судить по его копии, которую Коковцев вместе со своим письмом выслал 23 декабря 1907 года Онегину в Париж. Министр сообщил Онегину, что выработка договора о передаче коллекции, а также «непосредственные переговоры» с ним в дальнейшем будут вестись через русского посла в Париже А. И. Нелидова. Упомянутый доклад Коковцева, как и другие документы и письма, связанные с приобретением музея Онегина, хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

В письме от 23—24 января 1908 года Коковцев уведомил Онегина об условиях приобретения его собрания, о которых он предварительно договорился как с владельцем парижского музея, так и с президентом Академии наук, исполнявшим также обязанности председателя совета Пушкинского дома. Эти условия сводились к следующему:

«1) Коллекция, приобретаемая от Вас для Пушкинского дома, оставляется пожизненно на Вашем попечении, причем Вы обязуетесь хранить ее в целости и продолжать, по мере возможности, дальнейшее ее пополнение.

2) На время оставления коллекции в руках Ваших наблюдение за ее сохранностью возлагается на императорское российское посольство в Париже, которому с этой целью предоставляется производить ее осмотр.

3) Вы обязуетесь допускать к обозрению коллекции и к пользованию ею лиц, научно интересующихся и занимающихся разработкою вопросов истории и литературы, относящихся к пушкинской эпохе.

4) Вы передаете свою коллекцию при условии назначения Вам пенсии по 6000 рублей в год и единовременной выдачи в размере 10 000 рублей. Эта последняя выдача производится Вам для приведения коллекции в должный порядок; поэтому Вы имеете <возможность> постепенно заменить старые загрязненные переплеты новыми или подвергнуть некоторые экземпляры вымыванию особым, применяемым в Париже, способом».

В ответных письмах Онегин сообщил Коковцеву, что в целом он принимает условия этого договора.

В мае 1908 года Академия наук командировала для предварительного осмотра коллекции делопроизводителя Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина Б. Л. Модзалевского. Судя по письму Коковцева к Онегину от 15 июля 1908 года, Модзалевский после своего возвращения из Парижа представил непременно секретарю Академии наук подробный доклад о результатах осмотра Пушкинского музея.

Этот доклад ускорил заключение официального договора с Онегиным о передаче его рукописной коллекции и библиотеки Пушкинскому дому. Одновременно Б. Л. Модзалевский подготовил описание музея Онегина, которое было опубликовано в Петербурге в 1909 году.

Казалось, что вопрос о приобретении собрания Онегина уже решен и одобрен во всех инстанциях, как вдруг Коковцев в письме к Онегину от 27 января 1909 года, ссылаясь на свою некомпетентность и возникшие разногласия в бюрократических верхах, неожиданно отказался от участия в переговорах с владельцем парижского музея. Дальнейшие переговоры с Онегиным от имени правительства была уполномочена вести Академия наук.

Снова началась переписка, уточнение деталей и других юридических вопросов, связанных с передачей, выплатой пенсии и т. п. И только 27 ноября 1909 года после окончательного разрешения финансовых проблем академик Н. А. Котляревский выслал в Париж вместе с сопроводительным письмом копию договора, заключенного с Онегиным правлением Академии наук.

Договор состоял из семи пунктов, в которых были зафиксированы правовые, материальные и даже морально-этические вопросы, связанные с приобретением парижской коллекции Онегина:

«1) Я, Онегин, уступил в собственность императорской Академии наук для учрежденного 14 июля 1907 года и состоящего в ведении Академии наук Пушкинского дома все принадлежащие мне рукописи, книги, брошюры, номера периодических изданий, как на русском, так и на иностранных языках, заключающие в себе сочинения А. С. Пушкина и других русских писателей, критические отзывы об этих сочинениях, биографии, описания различных событий из жизни тех же писателей, все имеющиеся у меня портреты русских писателей, картины и рисунки, относящиеся к их жизни или чествованию их памяти, картины, рисунки и музыкальные произведения на сюжеты их сочинений. Независимо от сего, я, Оне-

гин, уступил Академии наук всю мою библиотеку, ранее принадлежавшую Василию Андреевичу Жуковскому в количестве около 400 томов на русском и иностранных языках, а также все рукописи и рисунки, ранее принадлежавшие тому же В. А. Жуковскому, а ныне составляющие мою собственность...

2) Я, Онегин, обязываюсь в месячный срок со дня подписания настоящего договора доставить Правлению имп. Академии наук подписанный мной экземпляр описи уступленной мною библиотеки и собрания рукописей, рисунков и пр., составленной при моем участии письмоводителем канцелярии Конференции Академии Б. Л. Модзалевским, каковая опись будет служить дополнением настоящего договора, как перечень предметов, приобретенных в собственность Пушкинского дома».

Упомянутая опись книжного собрания была составлена самим Онегиным. Она занимает две объемистые книги, которые хранятся в библиотеке Института русской литературы.

Далее следовали пункты, касающиеся материальной обеспеченности, сохранности и последующего пополнения коллекции, подтверждающие право научных учреждений, издательств и редакций пользоваться книгами и документами из музея Онегина и т. п. Подчеркивая право Онегина на пожизненное владение приобретенной у него коллекцией, договор в то же время предусматривал, что она должна постоянно находиться в Париже. В случае переезда Онегина в другой город или страну, его болезни, длительного отсутствия, музей должен быть незамедлительно перевезен в Петербург.

Начавшаяся через пять лет первая мировая война, Февральская, а затем Октябрьская революции и гражданская война прервали на некоторое время связи

Академии наук и Пушкинского дома с А. Ф. Онегиным. Но контакты были восстановлены.

Представитель торговой делегации молодого Советского государства в Париже М. Скобелев 10 февраля 1922 года сообщал Онегину: «Согласно моему обещанию Ваше дело я своевременно направил в Москву. Сегодня я получил телеграмму из Лондона от Л. Б. Красина¹ о том, что он ожидает ответа из Москвы, а пока просит принять все меры, чтобы Пушкинский музей, Ваше детище, огромная культурная ценность и впредь сохранилась для России.

Не мне, конечно, просить Вас об этом, ибо Вы достаточно много проявили любви и энергии, которой, конечно, хватит еще у Вас на короткое время, которое отделяет нас от окончательного решения этого вопроса в Москве.

Я весь к Вашим услугам в этом деле, и если Вам что-нибудь потребуется, вплоть до небольших временных денежных затрат, я позволю себе надеяться, что Вы дадите мне знать.

Вашим музеем заинтересовался находящийся сейчас в Париже русский академик профессор Владимир Николаевич Ипатьев, который собирается посетить Вас и Ваш музей».

Ободренный участием, проявленным представителями Советского государства о будущей судьбе музея, Онегин обратился 20 мая 1922 года в Российскую Академию наук с письмом, в котором сообщал следующее:

¹ Полученная Скобелевым телеграмма была послана Л. Б. Красиным 9 февраля 1922 г. В ней говорилось: «Переговорите академиком Ипатьевым относительно Пушкинского музея может быть Ипатьев посетит Онегина. Москва мной запрошена надо принять все меры чтобы это учреждение не попало в другие руки».

«Недавно вышел сборник «Неизданный Пушкин», составленный на основании моего собрания. Сборник этот я купил здесь в Париже, как и все другие, выходящие в России книги о Пушкине и которые Академия наук мне не посылает вот уже несколько лет.

Считаю своим долгом опровергнуть некоторые сведения, помещенные в этом сборнике обо мне и о моем музее, которые совершенно не соответствуют действительности, а именно, что я умер и что музей мой подвергается «распылению и расхищению», а также, что моими наследниками производится опубликование некоторых документ<ов>, на которые они не имеют права.

Музей мой по договору с Академией наук в 1909 году передан мною во владение Пушкинского музея в Петрограде с правом моего пожизненного пользования им и хранения в Париже до моей смерти или перевозки музея в Россию. Описание его тогда же сделано г. Модзалевским.

Никаких опубликований я никогда и нигде не делал, а музей мой не только не «распылен» или «расхищен», а наоборот, в настоящее время скорее увеличен в три или четыре раза.

Ввиду того, что Академия наук не высылает мне с 1917 года на содержание моего музея и общие расходы по нему 16 000 франков (6000 зол. рублей), предусмотренных договором, я боюсь, что буду вынужден поместить свое собрание иначе, чем в Академии наук, но надеюсь все-таки, что Академия наук этого не допустит».

Но, как оказалось, тревога Онегина была преждевременной и опасения, высказанные им в адрес Академии наук, не имели основания. Уже 31 мая 1922 года М. Скобелев писал Онегину: «Настоящим спешу

сообщить Вам, что мною получено от Народного комиссариата просвещения следующее его решение:

во 1) для урегулирования вопроса о Пушкинском музее командировать в Париж представителя Академии наук по ее выбору и

во 2) признать необходимым выплачивать ежегодную субсидию на расширение музея, согласно договору.

Причем мне поручено принимать меры, в случае надобности, для сохранения вверенного Вам музея для Российской Республики».

В 1922 году был оформлен новый договор с Онегиным, по которому он подтвердил свое желание передать музей Пушкинскому дому. 7 декабря 1922 года ему было уплачено 100 000 франков, и его музей стал собственностью Советского государства. Официальная передача пушкинской коллекции вместе с имуществом Онегина, завещанным им Академии наук, состоялась осенью 1927 года, после смерти владельца парижского музея. Большую роль в оформлении передачи сыграл академик А. Н. Крылов, который являлся представителем Академии наук во время переговоров с французскими властями.

Воскрешая в памяти этот важный эпизод в истории Пушкинского дома, старейший сотрудник Института русской литературы, бывший заведующий рукописным отделом Н. В. Измайлов пишет в своих неопубликованных воспоминаниях:

«В 1925 г. Александр Федорович Отто (Онегин) умер, в своем завещании подтвердив право собственности на его музей советской Академии наук и оставив ей, кроме того, все накопленное им состояние — свыше 600 000 франков, что по тогдашнему курсу было большой суммой. Но здесь явились трудности. Посланец Академии наук М. Л. Гофман незадолго

до смерти Онегина рассорился с ним, и Онегин отстранил его от всякого участия в делах музея. После этого Гофман решил остаться в Париже... и был лишен полномочий от Академии. Летом 1926 года побывал недолго в Париже академик С. Ф. Платонов — тогда директор Пушкинского дома и подготовил почву для передачи музея, но закончить это сложное дело, а главное — практически наладить упаковку и перевозку музея не имел ни времени, ни возможности...

Летом 1927 года съездил в Париж акад. М. М. Богословский. Он договорился с бывшим там в длительной командировке академиком А. Н. Крыловым (этот крупнейший судостроитель принимал от французского правительства военные корабли, увезенные белыми в Бизерту и возвращавшиеся Советскому Союзу). А. Н. Крылов, человек большого ума и кипучей энергии, поручил организацию перевозки своей помощнице и секретарше Анне Богдановне Ферингер — даме умной, деловой и энергичной, под стать самому Крылову...

Кто помогал ей в систематизации рукописей, книг, портретов, мемориальных вещей и проч. — не знаю. Кажется, все делала она сама, а технически — приглашенная ею транспортная контора. Но все было сделано превосходно, и ни одна вещь не попортилась.

В конце 1927 года мы получили сообщение, что все отправлено.

Раньше всех пришли отосланные с дипломатической (дипкурьерской) почтой восемь больших фибровых чемоданов. Их привезли в ленинградское агентство Наркоминдела (на Невском, 8), и я отправился за ними, снабженный соответствующим полномочием...

Мы приехали на розвальнях в одну лошадь — другого транспорта Академия не имела — и, выполнив все формальности, привезли чемоданы в Пушкинский дом, в его нынешнее, незадолго до того освоенное помещение. В первом чемодане были рукописи — автографы Пушкина, альбом А. О. Смирновой, бумаги Жуковского, письма И. С. Тургенева и проч. Все очень заботливо, аккуратно уложенное и переписанное. В других чемоданах — портреты, гравюры, акварели, наконец, самые ценные книги в великолепных марокеновых с золотым тиснением и обрезами «онегинских» переплетах... Все пришло в отменном порядке.

Через несколько дней прибыли с железной дороги остальные вещи — ящики с менее ценными книгами, большие портреты (начиная с портрета самого Онегина...), книжные шкафы, секретеры, всякая иная мебель... Ничто не попортилось... и скоро было расставлено на места».

После разбора и описания коллекции А. Ф. Онегина в январе 1930 года Пушкинский дом организовал выставку, где были представлены наиболее ценные экспонаты: рукописи, иконографические материалы и книги из библиотеки Онегина. Описание выставки было издано в Ленинграде в том же году.

Книжное собрание основателя Пушкинского музея в Париже состоит из 3420 книг, брошюр, журналов и альманахов на русском и иностранном языках. В ее состав входит также часть личной библиотеки В. А. Жуковского, подаренной Онегину сыном поэта.

Собрание книг Жуковского в основном представляет собой подборку изданий сочинений западноевропейских писателей: Вальтера Скотта, Шекспира, Гёте, Шиллера, Руссо, Расина, Корнеля, Мольера, Монтескье и других. В русскую часть входят произ-

ведения Тредьяковского, Державина, Гнедича, Дмитриева, Карамзина, Рылеева, Гоголя... На многих книгах сохранились автографы и заметки самого Жуковского, некоторые издания имеют дарственные надписи, в частности Батюшкова, Дельвига, Гумбольдта, Гнедича и других современников поэта.

Среди книг с дарственными надписями обращает на себя внимание издание в роскошном кожаном переплете с золотым обрезом. Это известная книга будущего декабриста Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» (СПб., 1818), которая была вручена поэту с автографической надписью: «Его высочайшему Василию Андреевичу Жуковскому от автора». На заднем форзаце книги имеются многочисленные заметки, вероятно принадлежащие Жуковскому и свидетельствующие о его внимательном чтении экономического труда Тургенева.

С библиофильской точки зрения представляет интерес третье миниатюрное издание «Евгения Онегина» (1837), появившееся в свет уже после гибели Пушкина. На переднем форзаце и вкладном листе сохранилась любопытная заметка Онегина. Рядом с нанесенной карандашом буквой «Ж» он написал: «Эта буква Ж. — рукою В. А. Жуковского, из библиотечки которого экз. этот в свое время (!?) исчез, а мною добыт случайно по каталогу Петербургского антиквара Н. Соловьева в 19?.. году. Покупая, я не знал, что мне достанется (я заказал телеграфом — спешно) экз. именно Жук<овского>. Очевидно, в его библиотеке было не мало соч. Пушкина — подносные экз. — но мне достались лишь немногие. Куда девались — вот вопрос!

Вся же библиотека Ж<уковского>, за исключением выбранной мною части ее, куплена Сибиряковым и пожертвована Томскому университету».

Экземпляр «Евгения Онегина», принадлежавший Жуковскому, в прекрасном кожаном переплете бордового цвета с золотым тиснением и обрезом, хранится в специальном футляре.

«Любезнейшему Василию Андреевичу Жуковскому от Дельвига» — с таким теплым посвящением подарил А. А. Дельвиг свои «Стихотворения», изданные в Петербурге в 1829 году. Е. А. Баратынский вручил поэту две части «Стихотворений», напечатанных им в Москве (1835), с краткой надписью: «Василию Андреевичу Жуковскому». С таким же лаконичным посвящением Н. М. Языков послал Жуковскому свой сборник «56 стихотворений» (М., 1844).

В библиотеке Жуковского находится также второй сборник Языкова «Новые стихотворения» (М., 1845), на обложке которого сохранилась любопытная надпись поэта: «Николаю Васильевичу Гоголю. Н. Языков». На внутренней стороне вклеенного листа читаем пояснительную запись Онегина: «Из книг В. А. Жуковского, но экземпляр назначен был Гоголю. Переплет позднейший мой».

Вполне вероятно, Языков, посылая сборник Жуковскому, просил вручить его Гоголю. Но по не известным нам причинам он не дошел до адресата. Возможно, сам Гоголь дал эту книгу Жуковскому для чтения, и она осталась в библиотеке поэта.

«Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому в знак отличного уважения к особе и творениям его от переводчицы. Орел. 22 декабря 1833 г.» — с таким автографом хранится в книжной коллекции Жуковского изданная в 1832 году в Москве «Песня о колоколе. Творение Шиллера» в переводе Авдотьи Глинки.

Исследователей творчества Жуковского привлекут оттиски его перевода поэмы Грея «Сельское

Paris Заказное

25, rue de Maignan
Monsieur
A. Onéguine

Автограф письма И. С. Тургенева А. Ф. Онегину.

кладбище», опубликованной в 4-м номере «Современника» за 1839 год. На одном из них имеется замечание Онегина: «Из книг В. А. Жуковского. Коррект. исправлял. Ж. для нового изд. Стих 34 не исправлен у Ефремова, как не исправлен и в V издании сочин. Ж. (1849, Карлсруэ)».

Указанный экземпляр помимо смысловых и корректурных исправлений Жуковского в тексте имеет вычерки во вступлении, где автор рассказывает об истории перевода, начиная с первой публикации 1802 года, о его посвящении Андрею Тургеневу, а также о трех собственных рисунках, приложенных к поэме.

Основное ядро книжной коллекции Онегина составляет Пушкиниана. В это собрание (свыше 800 названий) вошли все оказавшиеся доступными для Онегина издания произведений Пушкина на русском

и иностранных языках, а также многочисленная литература о поэте. Значительная часть книг снабжена библиографическими заметками, дополнениями и уточнениями, внесенными собирателем. Среди пушкинской коллекции находятся 14 альбомов с газетными и журнальными вырезками статей о поэте, начиная с 1887 года.

Большое место в библиотеке Онегина занимают также произведения русских и зарубежных писателей, историков XVIII—XIX веков, русские альманахи, сборники, а также издания вольной русской печати. За небольшим исключением, все книги, кроме библиотеки Жуковского, в роскошных переплетах — свидетельство высокого художественного мастерства парижских переплетчиков.

Страстному коллекционеру, Онегину удалось приобрести весьма редкие книги, в том числе несколько изданий «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского, среди которых находится Амстердамское — 1685 года. К не менее редким экземплярам относятся также Сочинения Иоанна де Сакро Боско в парижском издании 1564 года и «Диалог о чести» Поссевино в венецианском издании 1556 года, «Война богов» Парни и «Орлеанская девственница» Вольтера в изданиях XVIII века.

В библиотеке Онегина хранятся книги Флобера, одна из которых «Искушение св. Антония» с портретом автора, выполненным художником Литгартом, другая — «Саламбо» с автографическим посвящением Эдуарду Делессеру, один из 74 экземпляров первого издания писем П. Мериме к Лагрене с автографом Эдмона Лагрене, роман Эдмона Гонкура «Элиза» с дарственной надписью И. С. Тургеневу. На форзаце находится любопытная заметка Онегина: «Экз. Тургенева. Русск. книги, после смерти,

проданы наследниками в Лейпциге Виардо (19??), франц<узские> можно и теперь встретить у букинистов, причем его имя почти всегда исчеркано, как на след<ующем> листке. На корешке инициалы Тург<енева>».

Многие из подаренных Онегину книг имеют автографы их авторов.

«Дорогому и близкому моему сердцу Александру Федоровичу Онегину с чувством глубокого почтения, полной благодарной памяти» — с таким автографом хранится в библиотеке Онегина сборник стихов Вяч. Иванова «Прозрачность» (М., 1904). Здесь же находятся книги, присланные или врученные лично Онегину В. Брюсовым, А. Достоевской, Г. Вернадским и другими русскими и зарубежными писателями и учеными.

«А. Ф. Онегину на память старинной приязни от Ив. Тургенева. 1874 г.» — написано автором на первой части его «Сочинений» (М., 1874).

Теплые слова Тургенева, обращенные к Онегину, являются подтверждением не только их близких, дружеских отношений. В не меньшей степени в них отразилось и признание собирательской деятельности Онегина, которой он посвятил всю свою сознательную жизнь.

АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА

 В библиотеке Пушкинского дома собрано значительное количество прижизненных изданий произведений А. П. Чехова. Большую ценность среди них представляют сборники рассказов и повести с дарительными надписями автора. Мы остановимся на одном из дошедших до нас автографов Чехова, с которым связана интересная история, вызвавшая в свое время бурную реакцию со стороны друзей и знакомых писателя. Предшествующие ей события имеют непосредственное отношение к творчеству и биографии самого Чехова и, конечно же, к тому небольшому, но многозначительному автографу на титульном листе повести «Дуэль», которую писатель подарил Софье Петровне Кувшинниковой.

...В музее-квартире известного советского художника И. И. Бродского в Ленинграде хранится портрет С. П. Кувшинниковой, написанный И. И. Левитаном. Портрет создан в конце 80-х годов прошлого века. С картины смотрит сидящая в кресле уже молодая женщина в белом платье. Простое, округлое, немного грубоватое лицо, черные распущенные волосы, пристальный настороженный взгляд широко раскрытых глаз. В ее напряженной позе чувствуется большая внутренняя энергия и в то же время какая-то душевная надломленность.

А вот ее словесный портрет, принадлежащий перу известной русской писательницы Т. Л. Щепкиной-Куперник, близко знавшей С. П. Кувшинникову. «Это была женщина интересная. Некрасивая, с лицом настоящей мулатки, с вьющимися — только не такими жесткими, как у негров, — черными волосами и живыми черными глазами, с великолепной фигурой, она была известна всей Москве. Когда я стала бывать у нее, ей уже было лет под сорок... Она писала красками... прекрасно играла на фортепиано, в молодости носила мужской костюм и ходила с ружьем на охоту... Говорила она вообще повелительным тоном, голову носила очень гордо и ходила грудью вперед, широким шагом».

Дочь П. Н. Сафонова — богатого помещика и довольно важного чиновника — Софья Петровна (1847—1907) вышла замуж за Д. П. Кувшинникова, безвестного, ничем не выделявшегося врача, служившего в 80-х годах в Москве при Мясницкой полицейской части. «Жила она в прямом смысле «у черта на куличках»... — вспоминала Т. Л. Щепкина-Куперник. — При этой части находилась скромная квартира казенного врача — эту должность занимал ее муж Дмитрий Павлович. Часть была трудная, недалеко от Хитрова рынка — этой зияющей раны Москвы... За стенами докторской квартиры об этом легко было забыть: там было всего 4 комнаты, не особенно большие, но очень высокие. Комната Дмитрия Павловича, убранная со спартанской простотой, затем столовая, в которой стояли простые лавки, кустарные полки, солоницы, висели шитые «рушники», словом все было «в русском стиле»...

Дмитрий Павлович был человек молчаливый, терпеливый. На взгляд, его роль сводилась к тому, что обыкновенно, пока в гостиной пели, читали или

флиртовали, он сидел с приятелем, таким же молчаливым, как он, у себя за шахматами, а часов около 12-ти входил в гостиную и приглашал: „Прошу закусить, господа“».

Именно такими предстали перед взором Чехова жилище и домашний быт С. П. Кувшинниковой — устроительницы известного в 80—90-х годах московского литературно-художественного салона. На вечера, еженедельно устраиваемые хозяйкой дома, охотно сходились московские художники, писатели, актеры, музыканты. По словам А. С. Лазарева-Грузинского, близко знавшего А. П. Чехова, «Софья Петровна была женщиной интересной и незаурядной. В ней было что-то, что собирало в ее кружок выдающихся людей, но, кажется, стремления к оригинальности в ней было больше, чем подлинной, неподдельной оригинальности».

Почти одновременно с А. П. Чеховым в середине 80-х годов салон Кувшинниковой начал посещать И. И. Левитан, с которым писатель познакомился через своего брата Н. П. Чехова, учившегося вместе с Левитаном в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Частыми посетителями Кувшинниковой были не только братья Чеховы, но и их сестра Мария Павловна. Среди гостей можно было встретить М. Н. Ермолову, актера Малого театра А. П. Ленского, художника С. П. Степанова, А. И. Сумбатов-Южина, оперного певца Л. Д. Донского, приятельницу Чеховых Л. С. Мизинову, актрису А. П. Щепкину — тетку Т. А. Щепкиной-Куперник, последняя вместе со своей племянницей были особенно дружны с С. П. Кувшинниковой. Наездами бывал здесь И. Е. Репин.

Но истинной душой этого артистического общества в первые годы его существования были

А. П. Чехов и И. И. Левитан. Неистово остроумные, тонкие ценители литературы и живописи, писатель и художник были своеобразным средоточием духовного начала этого шумного и разноликого собрания, в котором наряду с подлинными мастерами и любителями искусства находились и посредственные дилетанты.

Вначале между Чеховым и Кувшинниковой установились дружеские отношения. Сохранившееся письмо А. П. Чехова к С. П. Кувшинниковой от 25 декабря 1888 года, неоднократное упоминание ее имени в письмах к родным во второй половине 80-х годов свидетельствуют о том, что отношения между ними в то время оставались без видимых изменений. Но в конце 80-х годов в письмах Чехова имя Кувшинниковой начинает упоминаться со все более и более ироническим подтекстом.

«Проплыл я уже по Амуру 1000 верст и видел миллион роскошных пейзажей; голова кружится от восторга, — писал Чехов сестре Марии Павловне 23—26 июня 1890 года. — Видел я такой утес, что если бы... мы с Софьей Петровной Кувш<инниковой> во главе устроили здесь пикник, то могли бы сказать друг другу: умри Денис, лучше не испытать».

Чем больше писатель знакомился с жизнью семьи Кувшинниковых и особенно с кругом их многочисленных друзей, тем все отчетливее он понимал показную мишуру, мелочное честолюбие, которое нередко руководило чувствами и поступками как самой хозяйки, так и посетителей ее салона. Для Чехова не были тайной и любовные увлечения Кувшинниковой, которые она не пыталась скрывать. Невольным свидетелем их был и постоянно занятый врачебными делами ее муж, поведение которого, как и его стран-

ные взаимоотношения с женой, вызывали недоумение у посетителей этого дома.

Одним из последних увлечений Кувшинниковой был И. И. Левитан. Начало их близости положили уроки живописи, которые Кувшинникова стала брать у молодого художника. «С самого детства меня тянуло к картинам, особенно к пейзажу... — писала впоследствии Кувшинникова. — В дальнейшем встреча и знакомство с Исааком Левитаном решили остальное. Левитану пригляделись мои первые наброски, и он предложил мне свое руководство. Первая поездка на этюды по Волге и Оке с Левитаном и симпатичным жанристом Степановым дала мне то, что любая школа не может дать в пять-шесть лет... Уже в 1888 г. (второй год занятий живописью) мой этюд «Внутренность древней церкви (Петра и Павла. — Авт.) на Плесе» был приобретен в галерею П. М. Третьякова. Восемь лет мне пришлось быть ученицей Левитана».

Вместе с Левитаном Кувшинникова в 1886—1894 годах выезжала на этюды в Тверскую и Владимирскую губернии; в 1890 году они, вероятно тоже вдвоем, путешествовали по Франции и Италии.

Неоднократно сопровождавший Левитана и Кувшинникову в летних поездках художник С. П. Степанов запечатлел их на своих двух картинах. На первой, датированной 1887 годом, он изобразил Левитана и Кувшинникову направляющимися на этюды (Савинская слобода), на второй (без даты) учитель и его ученица изображены во время работы над этюдами. Обе картины в настоящее время находятся за границей, в частных собраниях.

Успехи Софьи Петровны в живописи, достигнутые под руководством Левитана, были несомненны. Ее пейзажи и натюрморты выставлялись в 1887—

1906 годах на всех периодических выставках Московского общества любителей художеств, в Петербургской Академии художеств и на других. Некоторые из ее картин в настоящее время находятся в областных музеях.

В связи с приобретением Третьяковым упомянутого выше этюда Кувшинниковой Чехов писал художнице 25 декабря 1888 года: «Поздравляю Вас с праздником и с вступлением в ряды бессмертных. Ничего, что Ваша картина маленькая. Копейки тоже маленькие, но когда их много, они делают рубль. Каждая картина, взятая в галерею, и каждая порядочная книга, попавшая в библиотеку, как бы они малы ни были, служат великому делу — скоплению в стране богатств».

Вспыхнувшая любовь Кувшинниковой к Левитану, по-видимому, вызвала у него ответное чувство. «В Кувшинниковой имелось много такого, что могло нравиться и увлекать, — вспоминала О. Л. Книппер-Чехова. — Красотой она не выделялась, но была безусловно интересна, оригинальна, талантлива, поэтична и изящна. Можно вполне понять, почему увлекся ею Левитан».

Искреннее восхищение художником, которое выражала Кувшинникова со свойственной ей непосредственностью, внимание и забота, которыми она окружила болезненного, нередко беспомощного в житейских делах художника, не могли не тронуть легко увлекающегося Левитана. Но его желание сохранить личную и творческую свободу часто наталкивалось на бурные сцены ревности, упреков и слез со стороны его ученицы.

Вся эта романтическая история, протекавшая на фоне своеобразного домашнего быта Кувшинниковых, на виду у посетителей их артистического

салона, была во многих мелодраматических подробностях известна Чехову. Его антипатия к Кувшинниковой росла из года в год. «Антон Павлович недолго любил Софью Петровну, — вспоминала Т. А. Щепкина-Куперник. — В это время в Москве шла трагедия Грильпарцера «Сафо», которую изумительно играла Ермолова, изображая трагедию стареющей Сафо, любимый которой Фаон увлекается юной Милетой. Антон Павлович прозвал Софью Петровну — Сафо, Лику (Мизинову. — Авт.) — Милетой и уверял, что Левитан сыграет роль Фаона».

Через несколько лет Левитан действительно увлекся другой женщиной (А. Н. Турчаниновой) и порвал с Кувшинниковой (июль—август 1894 года). Ну а пока до этого было еще далеко, и Кувшинникова продолжала каждое лето ездить на этюды в компании с художником, встречаться с ним в московском доме. «Среди наших друзей и знакомых стали уже определенно поговаривать о том, о чем следовало бы молчать, — писал М. П. Чехов. — Между тем, возвращаясь каждый раз из поездки домой, Софья Петровна бросалась к своему мужу, ласково и бесхитростно хватала его обеими руками за голову и с восторгом восклицала: «Дмитрий! Кувшинников! Дай я пожму твою честную руку! Господа, посмотрите, какое у него благородное лицо».

Доктор Кувшинников и художник Степанов стали уединяться и, изливая друг перед другом душу, потягивали винцо. Стало казаться, что муж обо всем догадывается и молча переносит страдание. По-видимому, и Антон Павлович осуждал в душе Софью Петровну.

В конце концов он не удержался и написал рассказ «Попрыгунья», в котором вывел всех перечисленных лиц».

В сентябре 1881 года новый издатель петербургского еженедельного литературно-художественного журнала «Север» В. А. Тихонов обратился к Чехову с просьбой написать рассказ для новогоднего номера на 1892 год. Одновременно он просил писателя, в случае согласия, сообщить ему заглавие рассказа, для того чтобы включить имя Чехова и название его произведения в объявление о подписке на следующий год.

«Рассказ пришлю... — сообщал Чехов 14 сентября 1891 года Тихонову, — но сказать, как он будет называться, я не могу. Назвать его теперь так же трудно, как определить цвет курицы, которая вылупится из яйца, которое еще не снесено». 11 октября 1891 года Чехов в письме к Тихонову вновь вернулся к вопросу о названии будущего рассказа и предложил издателю «Севера» включить его в объявление просто как «Рассказ» или же «Обыватели». «Оба заглавия, — писал Чехов — подойдут». Но редактор предпочел для объявления — второе.

К работе над рассказом Чехов приступил 21 ноября 1891 года и уже 30 ноября выслал его в Петербург. Каково же было удивление Тихонова, когда он вместо обещанного рассказа «Обыватели» получил рассказ с совершенно иным заглавием — «Великий человек».

В сопроводительном письме Чехов сообщал: «Посылаю Вам маленький, чувствительный роман для семейного чтения. Это и есть «Обыватели». Впрочем, как хотите».

Прошло две недели, и Чехов вновь, 14 декабря 1891 года, обращается к Тихонову с просьбой изменить в корректуре предложенное заглавие. «Право, не знаю, как быть с заглавием моего рассказа! «Великий человек» мне совсем не нравится. Надо на-

звать как-нибудь иначе — это непременно. Назовите так — «Попрыгунья».

Итак, значит, «Попрыгунья». Не забудьте переменить».

Рассказ под этим названием был напечатан в первом и втором номерах журнала «Север» (1891, 5 и 12 января).

Почти одновременно с «Попрыгуньей» вышла в свет отдельным изданием повесть Чехова «Дуэль» (во второй половине декабря 1891 года). Над этой повестью писатель начал работать в январе 1891 года. 18 августа он выслал законченную рукопись «Дуэли» А. С. Суворину. Вначале повесть печаталась в газете «Новое время» (октябрь, ноябрь 1891). Параллельно Суворин предпринял издание повести Чехова отдельной книгой, и уже в ноябре 1891 года писатель читал ее корректуру.

По-видимому, в середине декабря Чехов получил первые отпечатанные экземпляры «Дуэли»; один из них он подарил Кувшинниковой со следующей многозначительной надписью: «Софье Петровне Кувшинниковой от опального, но неизменно преданного автора. А. Чехов».

Судя по дате, проставленной Чеховым под автографом, он получил экземпляры повести, находясь в Москве. Вручил ли он книгу Кувшинниковой лично, послал ли по почте или передал через кого-либо из своих родных или знакомых — неизвестно.

Вероятнее всего, избегая встречи с Софьей Петровной, он постарался переслать ей повесть, так как содержание автографа не оставляет сомнения в том, что взаимоотношения Чехова с Кувшинниковой к этому времени были на грани разрыва.

Вполне возможно, что Кувшинникова получила книгу уже после того, как Чехов 26 декабря выехал

в Петербург, откуда он вернулся в Москву 8—9 января 1892 года.

Через 11—12 дней после отъезда Чехова московские читатели познакомились с первой частью рассказа «Попрыгунья», напечатанной в журнале «Север», затем неделю спустя последовала вторая, заключительная часть. Рассказ вызвал резкое негодование не только со стороны Кувшинниковой и Левитана, но и других знакомых Чехова. 29 апреля 1892 года писатель сообщал Л. А. Авилевой: «Вчера я был в Москве, но едва не задохнулся там от скуки и всяких напастей. Можете себе представить, одна знакомая моя 42-летняя дама узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи»... и меня вся Москва обвиняет в пасквиле. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор и живет она с художником».

Появление этого рассказа в печати, по словам М. П. Чехова, вызвало большие толки среди знакомых. Часть из них стала осуждать Чехова за слишком прозрачные намеки, «другие злорадно прихихикивали. Левитан напустил на себя мрачность. Антон Павлович только отшучивался и отвечал такими фразами: «Моя попрыгунья хорошенькая, а ведь Софья Петровна не так уже красива и молода».

Поговаривали, что Левитан собирался вызвать Антона Павловича на дуэль. Ссора затянулась».

Друзьям Левитана с трудом удалось уговорить его не посылать вызова Чехову. Писатель пытался объясниться с художником и написал ему письмо (оно не сохранилось), которое подлило, по словам Л. С. Мизиновой, еще больше масла в огонь.

«Вчера был у меня Левитан и опять говорил о рассказе, — сообщала она Чехову 24 апреля 1892 года. — Сам он, кажется, сознает, что все вышло очень глупо.

И очень нужно было писать ему еще письмо. Точно не могли Вы сообразить, что теперь писать не следовало, потому что это то же, что написать Кувшинниковой».

Левитан был настолько обижен, что на длительное время прервал с Чеховым всякие отношения. Навсегда рассорилась с Чеховым Кувшинникова.

Что же послужило этому причиной? Внешне основные герои «Попрыгуньи» — доктор Дымов, его жена Ольга Ивановна, художник Рябовский, — кажется, далеки были от их прототипов (именно на это пытался указывать Чехов в свое оправдание). Но только внешне.

Все содержание рассказа, внутренний мир чеховских персонажей, их взаимоотношения между собой, бытовой фон, на котором разворачивается повествование, а главное — тонкие психологические характеристики, метко схваченные индивидуальные черты, присущие Кувшинниковой — Ольге Ивановне и Левитану — Рябовскому, убеждают, что Чехов при работе над «Попрыгуньей» имел в виду хорошо знакомых ему реальных людей и стремился как в фабуле, так и в художественных образах рассказа отразить те жизненные ситуации, свидетелем которых он был.

Воспоминания современников Чехова — Т. Л. Щепкиной-Куперник, сестры и брата писателя М. П. и М. П. Чеховых, А. С. Лазарева-Грузинского, И. Н. Потапенко, Л. С. Мизиновой и других — подтверждают непосредственную связь содержания рассказа с подлинными фактами и событиями.

«С наивностью художника, берущего краски, какие ему нужны и где только можно, — вспоминала Щепкина-Куперник, — Чехов взял только черточки из внешней обстановки С<офии> П<етровны> — ее «русскую» столовую, отделанную серпами и поло-

тенцами, ее молчаливого мужа, занимавшегося хозяйством и приглашавшего к ужину, ее дружбу с художником. Он сделал свою героиню очаровательной блондинкой, а мужа ее талантливым молодым ученым. Но она узнала себя и обиделась...

Левитан, «узнавший себя» в художнике, также обиделся, хотя в сущности уж для него-то ничего обидного не было... А у С<офы> П<етровны>, несомненно, Чехов наступил на какое-то больное место: никто не знал, что в их отношениях с Левитаном уже есть трещина, которая и привела к полному разрыву...»

Любопытно, что в героях «Попрыгуны» узнали себя не только Кувшинникова и Левитан. Вместе с ними на Чехова обиделся и не кланялся с ним в течение восьми лет актер Малого театра А. П. Ленский, частый посетитель вечеров Кувшинниковых. По словам М. П. Чеховой, он узнал себя в «толстом актере», о котором в «Попрыгунье» было сказано: «Артист из драматического театра, изящный, умный и скромный человек и отменный чтец». «Дружба с А. П. Ленским и его семьей прервалась как-то несуразно, — вспоминал позднее И. Н. Потапенко. — Чехов написал «Попрыгунью». Ленские заподозрили Ант<она> П<авловича> в том, что в этом очерке он вывел даму, общую их знакомую. На этой почве и произошел разрыв. Был в это дело замешан и художник Левитан».

Читатели «Попрыгуны» узнавали и других лиц, послуживших Чехову прообразами его героев. Так, в одном из посетителей увеселительных вечеров Ольги Ивановны Дымовой, о котором Чехов писал, что это был «литератор, молодой, но уже известный, писавший повести, пьесы и рассказы», современники угадывали популярного в свое время драматурга и

беллетриста Е. П. Гославского. С ним, кстати сказать, Чехов был хорошо знаком и переписывался.

Без особенных усилий был опознан и другой поклонник «попрыгуньи» — «Василий Васильевич, барин, помещик, дилетант, иллюстратор и виньетист, сильно чувствовавший старый русский стиль, былинный эпос», в котором читатели узнали племянника писателя В. А. Соллогуба графа Федора Львовича Соллогуба — довольно посредственного рисовальщика и поэта.

Конечно, вышеприведенные сведения вначале были достоянием узкого круга людей, близко знавших Чехова, Кувшинникову и Левитана. Только через пять лет после смерти писателя в критической литературе появились первые указания на то, что в «Попрыгунье» Чехов «вывел своего приятеля известного пейзажиста И. И. Левитана... и одну даму-художницу».

Безусловно, герои чеховской «Попрыгуньи» не были точной копией знакомых ему лиц, — это обобщенные образы, созданные писателем-реалистом, обличавшим обывательскую пошлость, чванливое самодовольство, душевную пустоту, мелкое честолюбие, подлость, унижающие человеческое достоинство. И не случайно писатель первоначально предполагал назвать свой рассказ «Обыватели»...

Через несколько лет Левитан, тяжело переживавший ссору с Чеховым, понял беспочвенность своей обиды на писателя. Большой художник, искренне любивший Чехова, нашел в себе силы по-иному оценить рассказ, воспринятый им вначале односторонне и субъективно. В отличие от Кувшинниковой, навсегда порвавшей с Чеховым, Левитан, при содействии Щепкиной-Куперник, вновь возобновил дружеские отношения с писателем, которые не прерывались до

последних дней жизни художника. Умер Левитан в 1900 году.

В заключение следует остановиться на одном интересном факте. Молодая писательница Щепкина-Куперник, принявшая горячее участие в примирении Левитана с Чеховым, позднее также попыталась отразить в своих произведениях нашумевшую романтическую историю между Кувшинниковой и Левитаном.

Прочитав ее рассказ «Одиночество», опубликованный в журнале «Русская мысль» (1894, № 12), Чехов писал Щепкиной-Куперник 24 декабря 1894 года: «Сегодня в 9 часов утра... я прочел Ваше «Одиночество» и простил Вам за все Ваши прегрешения. Рассказ положительно хорош и, нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры...

Однако Вы не удержались и на странице 180 описали Софью Петровну.

Сама же писательница отрицала утверждение Чехова о том, что в ее героине Инне Павловне изображена Кувшинникова. Чехов «напрасно поддразнивал меня этим, — вспоминала Щепкина-Куперник, — я ее не описывала в этом рассказе. А много лет спустя, когда ни ее, ни Левитана уже не было в живых, — я, действительно, описала их историю в рассказе «Старина», напечатанном в «Вестнике Европы» (1911, № 11)».

В основу этого рассказа были положены личные впечатления и наблюдения молодой Щепкиной-Куперник над жизнью Кувшинниковой и Левитана, с которыми она в 1893 году провела лето под Вышним Волочком. В образах художницы Ирины Александровны (Кувшинникова) и знаменитого художника Льва Семеновича Яскольского (Левитан), в картинах быта, занятий живописью, в описании их

сложных взаимоотношений, в конце концов закончившихся разрывом, Щепкина-Куперник поведала в беллетризованной форме о том, о чем откровенно рассказала позднее в главе «Софья Петровна и Левитан», включенной в книгу воспоминаний «Дни моей жизни».

С. П. Кувшинникова, пережившая и Левитана, и Чехова, сохранила книгу, некогда подаренную ей «опальным автором» «Попрыгуньи». В 1906 году, как свидетельствует запись в старой инвентарной книге библиотеки, она подарила повесть Чехова «Дуэль» с известным нам автографом автора незадолго до этого основанному Пушкинскому дому.

ДАР П. Н. ТУРГЕНЕВА

 В библиотеку Пушкинского дома часто обращаются собиратели книг, обладатели уникальных изданий, наследники библиотек с предложением приобрести от них редкие экземпляры, книжные коллекции. Нередко их посещения связаны с просьбой определить истинную ценность попавших к ним в руки печатных материалов, установить подлинность автографических надписей, помет и записок, оставленных на титульных листах или в текстах книг прежними владельцами.

В один из летних дней 1965 года я снял трубку зазвоневшего телефона и услышал далекий мягкий женский голос:

— С вами говорит Вера Александровна Обручева — вдова члена-корреспондента Обручева.

— Очень рад с вами познакомиться. Сергея Владимировича Обручева — большого друга Пушкинского дома хорошо знают и помнят в нашем институте...

Сын знаменитого ученого и писателя Владимира Афанасьевича Обручева, Сергей Владимирович пошел по стопам отца. Известный геолог и путешественник, он много странствовал по свету. Большой любитель и ценитель литературы, автор историко-литературных исследований и публикаций о Лермонтове и Пушкине, С. В. Обручев во время своих

поездок нередко приобретал у букинистов и частных владельцев редкие издания, а затем приносил их в дар библиотеке Пушкинского дома.

— Не могли бы вы приехать ко мне на Пряжку, — продолжала Вера Александровна, — и познакомиться с библиотекой моего отчима Александра Александровича Фомина. Я думаю, что она вас заинтересует. Среди его книг много изданий, ранее принадлежавших Николаю Ивановичу Тургеневу...

— Николаю Ивановичу Тургеневу? — переспросил я, стараясь не выдать своего волнения. — Как они к вам попали?

— О, это долгая история, — ответила Вера Александровна. — Приезжайте, и вы сами убедитесь в подлинности книг, принадлежавших Тургеневу...

Мы быстро договорились с Верой Александровной о том, что через день я вместе с другими нашими сотрудниками навещу ее.

И вот в назначенный день и час мы втроем, сдерживая охватившее нас нетерпение, переступили порог небольшой квартиры В. А. Обручевой. Старый петербургский дом, в котором она жила, должен был идти на капитальный ремонт и объявление в подъезде напоминало квартиросъемщикам о сроках переселения в предоставленное им временное жилье.

После взаимных представлений и приветствий, омущенно извиняясь за беспорядок в квартире, — Вера Александровна тоже готовилась к переезду, — она подвела нас к книжным полкам и предложила самим познакомиться с библиотекой ее отчима.

Собрание А. А. Фомина было относительно небольшим. Некоторое количество книг, как нам объяснила его наследница, она уже продала московским библиотекам. В связи с предстоящим переселением Вера Александровна решила предложить Пушкинско-

му дому приобрести сохранившуюся, по ее словам, наиболее ценную часть коллекции Фомина.

— Как мне ни жаль расставаться с этими книгами, — говорила она, — но я вынуждена была пойти на этот шаг, ибо перевозить их с места на место и рисковать сохранностью библиотеки — все может случиться при переезде — я не имею права. И вы, вероятно, убедились в этом сами, познакомившись с книгами. Не так ли?

Да, Вера Александровна была права. Библиотека, с которой мы познакомились, безусловно заслуживала самого бережного отношения. Коллекция оказалась очень ценным собранием изданий XVIII—XIX веков. Многие из них действительно принадлежали Николаю Ивановичу Тургеневу. Уже одно это заставляло нас относиться к книгам, которые мы брали в руки и рассматривали с большим любопытством, подчас не скрывая своего неподдельного восторга и удивления, как к бесценным культурным памятникам. Они ведь принадлежали одному из видных участников движения декабристов, чудом избежавшему расправы, которой подверглись его сподвижники после 14 декабря 1825 года!

Выполнив свою миссию экспертов, мы представили в дирекцию Библиотеки Академии наук СССР соответствующее заключение о ценности библиотеки А. А. Фомина и необходимости ее приобретения. Наше мнение поддержали ученые Института русской литературы.

Библиотека АН СССР, испросив в вышестоящих академических инстанциях необходимые средства, приобрела у В. А. Обручевой книжную коллекцию и передала ее на хранение в библиотеку Пушкинского дома — филиал центрального академического книгохранилища.

И вот коллекция книг, о существовании которой до последнего времени почти никто не знал, доставлена в Пушкинский дом. Здесь она была тщательно разобрана и расставлена на полках.

Теперь настала очередь вплотную заняться изучением состава этого собрания, выяснить, когда и в связи с чем книги Н. И. Тургенева попали к А. А. Фомину и почему именно к нему, а не к кому-нибудь другому?

Из неоднократных бесед с В. А. Обручевой, знакомства с научными отчетами А. А. Фомина о его поездках во Францию, с архивными делами библиотеки Пушкинского дома, с документами, сохранившимися в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, найденными сотрудницей Библиотеки АН СССР Ф. И. Дубровской, прояснилась, правда не во всех подробностях, любопытная история не только книг декабриста из собрания Фомина до их поступления в Пушкинский дом, но и судьба его библиотеки в целом.

Н. И. Тургенев родился в 1789 году в Симбирске. Он был сыном одного из просвещенных людей XVIII века Ивана Петровича Тургенева — директора Московского университета, близкого к кружку Н. И. Новикова. Юный Тургенев учился в Московском университетском благородном пансионе, затем в Московском университете и завершил образование в Гёттингене, где изучал историю, юридические науки, политическую экономию и финансовое право. В 1812 году он вернулся в Россию и поступил на службу в министерство финансов.

Через год Тургенев был назначен русским представителем в центральную правительственную комиссию, возглавляемую известным реформатором Г. Штейном, и провел вместе с ним за границей

А. И. Тургенев.

около трех лет, сопровождая русские войска в походах 1814—1815 годов.

Окончилась Отечественная война. Возвратившись в Петербург, Тургенев вновь поступил на чиновничью службу в Государственный совет. В 1818 году он издал книгу «Опыт теории налогов», которая принесла ему широкую известность.

На ее страницах автор публично выражал свое отрицательное отношение к крепостному праву, заявлял о необходимости освобождения крестьян, доказывал важность знания экономических законов для развития производительных сил и социального прогресса.

После 1825 года книга Тургенева была запрещена, ее разыскивала полиция, обнаруженные экземпляры отбирались и уничтожались.

В 1819 году Тургенев вступил в тайное декабристское общество «Союз благоденствия» и вскоре стал одним из его активных участников. Он был сторонником уничтожения монархии, ликвидации крепостного права и установления республиканского правления.

После закрытия «Союза благоденствия» (1821) Тургенев, по свидетельству декабристов, принимал деятельное участие в «Северном обществе», в котором он единогласно был избран членом думы. В апреле 1824 года в связи с ухудшением здоровья Тургенев, несмотря на просьбу Пестеля повременить с отпуском, уехал на лечение за границу.

Весть о разгроме восстания декабристов и о привлечении Тургенева к суду застала его в Англии, куда он приехал в январе 1826 года. Ему предъявлялось обвинение в том, что он был активным членом тайного общества, «участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление и, удалясь за границу, по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания». Верховный суд приговорил Тургенева к смертной казни, которая была заменена вечной каторгой.

Неоднократные попытки петербургских властей добиться у английского правительства ареста и выдачи декабриста (аналогичные представления были сделаны и другим европейским правительствам) ни к чему не привели, и отказавшийся предстать перед судом Тургенев очутился на положении первого русского политического изгнанника.

Некоторое время спустя, вспоминая о декабрьских событиях, А. И. Тургенев писал своему младшему брату Н. И. Тургеневу: «Александр Пушкин не мог

издать одной части своего Онегина (10-ю главу. — Авт.), где он описывал его путешествие по России, возмущение 1825 года, и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Около пяти лет из своей почти пятидесятилетней эмигрантской жизни Тургенев провел в Англии, где познакомился и сблизился со многими известными политическими деятелями, экономистами, писателями, публицистами. Впечатления от пребывания в Англии, знакомства с современной политической жизнью страны, периодическими изданиями дали Тургеневу обильный материал для его статей и брошюр, посвященных экономическим и правовым вопросам.

В 1831 году он переехал во Францию. Через два года он женился на дочери наполеоновского генерала Г. Виариса — Кларе. Под Парижем приобрел виллу Вербуа, расположенную неподалеку от Буживаля, где впоследствии жил И. С. Тургенев. Вместе со своей семьей — женой, двумя сыновьями и дочерью — Тургенев прожил в Париже, а в последние годы в Вербуа до конца своих дней, изредка выезжая в Англию, Швейцарию, Италию. В 1857, 1859, 1864 годах он посетил Россию.

Во Франции Тургенев поддерживал дружеские отношения со многими передовыми людьми того времени: Мериме, Стендалем, Гизо, Шатобрианом, Борро, Ламартином, Сент-Бёвом, Сисмонди, общался с представителями польской эмиграции А. Мицкевичем, И. Лелевелем, деятелями итальянской револю-

ционной эмиграции, испанскими и греческими политическими изгнанниками.

«Несмотря на многолетнее пребывание за границей, Н. И. Тургенев остался русским человеком с ног до головы — и не только русским, московским человеком, — писал И. С. Тургенев. — Эта коренная русская суть выражалась во всем: в приеме, во всех движениях, во всей повадке, в самом выговоре французского языка — о русском языке уже и упоминать нечего... Всякое известие родины подхватывалось им на лету. Он слушал рассказы о ней с жадностью и страстным увлечением; он верил в нее, в наш город, в наши силы, в наше будущее, в наши дарования».

Он жил «только Россией и для России». Эти слова И. С. Тургенева — близкого друга Николая Ивановича — как нельзя лучше определяют существо общественной и публицистической деятельности эмигранта, его тесных связей с Герценом и Огаревым, Бакуниным и другими передовыми русскими людьми.

Широко образованный человек, постоянно находившийся в курсе европейских политических и культурных событий, декабрист-эмигрант, по словам И. С. Тургенева, «со всем жаром юноши, со всем постоянством мужа, следил за всем, что свершалось в России хорошего и дурного, радостного и печального, — и отзывался живым словом и печатной речью на все жизненные вопросы нашего быта».

Перу Тургенева принадлежат многочисленные статьи, посвященные животрепещущим вопросам ликвидации крепостного права, а после 1861 года — проблемам развития пореформенной России. С годами радикальные взгляды Тургенева-декабриста претерпели изменения. Он постепенно переходит на либерально-дворянские позиции, особенно отчетливо

проявившиеся в вопросах о земельных наделах, выкупной системе и освобождении крестьян сверху.

В 1871 году Н. И. Тургенев умер. У его наследников остался огромный архив, собранный декабристом за годы изгнания, а также ценнейшая по объему и содержанию библиотека. Были здесь также документы и книги, поступившие к Тургеневу после смерти его старшего брата — видного государственного деятеля Александра Ивановича Тургенева (1845), они были доставлены во Францию по завещанию последнего.

Н. И. Тургенев хорошо понимал историческое значение своего собрания. Особенную ценность представляли его дневники и обширная переписка, к которым еще при жизни их владельца проявляли живой интерес деятели русской науки. В начале 70-х годов Н. И. Тургенев решил опубликовать часть своей эпистолярной коллекции. Подготовленное им издание «Письма Александра Ивановича к Николаю Ивановичу Тургеневу» (Лейпциг, 1872) вышло в свет уже после его смерти.

Вслед за этим изданием, вызвавшим большой общественный резонанс, в русской периодической и научной литературе начали появляться публикации и исследования о братьях Тургеневых, написанные М. П. Погодиным, П. И. Бартевым, А. Н. Пыпиным, В. И. Семевским, Н. Ф. Дубровиным и другими. В 1901 году в нескольких номерах журнала «Русская старина» А. А. Фомин напечатал две большие публикации: «Николай Иванович Тургенев в письмах к своим братьям (из собрания писем Павла Васильевича Жуковского)» и «Николай Иванович Тургенев в своем оправдании». Последняя содержала текст оправдательной записки декабриста, посланной им в Петербург в ответ на обвинения, предъявленные

ему Следственной комиссией. Важно отметить, что публикации и статьи перечисленных авторов, как правило, основывались на архивных материалах, хранящихся в России.

Близкие Николая Ивановича, ревностно охранявшие родовой архив Тургеневых, не допускали к нему посторонних. Неоднократные попытки исследователей получить возможность познакомиться с его содержанием, а тем более опубликовать находившиеся в нем документы, наталкивались на отказ.

В конце 90-х годов все имущество Тургеневых, в том числе архив и библиотека, перешли во владение их младшего сына Петра Николаевича. Известный французский скульптор Петр (Пьер) Тургенев получил под руководством отца, матери и старшей сестры основательное домашнее образование. По словам его биографа, «он очень любил Россию и все русское, с большим интересом следил за литературой, которая, так или иначе, была связана с именем его отца, дяди и деда».

А. А. Фомин, которому удалось обнаружить в бумагах П. В. Жуковского упомянутые выше письма и записку Н. И. Тургенева, задался целью разыскать архив декабриста и добиться у П. Н. Тургенева разрешения познакомиться с его содержанием.

С этой мыслью он и отправился летом 1904 года в Париж. А. А. Фомин знал, что и до него предпринимались неоднократные попытки договориться с наследником о передаче архива Н. И. Тургенева Российской Академии наук. К сожалению, эти переговоры ни к чему не привели, и судьба богатейшего документального собрания многие годы оставалась неизвестной.

Но со временем Петр Николаевич принял решение передать в распоряжение русской науки все со-

средоточенные в его руках исторические материалы и библиотеку отца. Для осуществления своего плана он начал подыскивать сведущего человека, которому можно было бы доверить исполнение задуманного акта.

Таким доверенным лицом, по его мнению, явился оказавшийся в то время во Франции А. А. Фомин — директор Петербургского коммерческого училища, автор публикаций о Н. И. Тургеневе. Последнее в немалой степени способствовало сближению и установлению дружеских отношений между ним и Петром Николаевичем — недоверчивым и осторожным хранителем реликвий рода Тургеневых.

В своем пространном отчете о поездке во Францию, опубликованном в 1912 году, Фомин так описал свои впечатления от первых встреч с П. Н. Тургеневым:

«Дело было в июле, и Петра Николаевича в Париже не оказалось: большую часть года он всегда проводил вне Парижа, на своей вилле Vert-Bois (Вербуа. — Авт). Там я его и встретил. Мы познакомились. Сначала он был со мною очень сух, холоден, молчалив, и мне уже казалось, что из этого знакомства ничего не выйдет. Но... лед начал быстро таять, как только он узнал, что перед ним именно то лицо, которое напечатало незадолго перед тем в «Русской старине» материалы, касающиеся его отца. Через несколько минут исчезла почти вся официальная натянутость, и мы уже беседовали как старые знакомые, и я чувствовал, как постепенно, но очень быстро росло доверие ко мне».

Далее Фомин подробно рассказал об «экзамене», устроенном ему Петром Николаевичем вместе со старым знакомым Рустейко — другом его отца и А. Мицкевича.

После сдачи «экзамена», продолжал Фомин, «Петр Николаевич подошел ко мне и предложил поехать с ним на его городскую квартиру... По приезде в его дом... Петр Николаевич, после нескольких вступительных слов, сказал мне буквально следующее...

«На этом кресле, где сидите Вы, недавно сидел наш соотечественник, тоже Ваш москвич и также любитель старины г-н Б... Я ему сказал, что у меня нет ничего. Ну а Вам сегодня я могу сказать: хотите ли Вы видеть то, что у меня есть?»

Конечно, мой ответ мог быть только один.

Петр Николаевич позвал прислугу, освободил в соседней комнате стену от приставленной к ней мебели и открыл скрытую в стене дверь. Моим глазам представилась громадная ниша с полками, которые были вплотную, с пола до потолка, заполнены папками, в которых лежали документы и на некоторых были надписи самого разнообразного содержания...

Я положительно остолбенел от одного только вида этой громадной массы документов!..

Так я «открыл» архив Тургенева... Но это, как оказалось впоследствии, составляло всего лишь третью часть архива, хранившегося в квартире и на вилле Вербуа.

С разрешения Петра Николаевича и с его помощью Фомин приступил к разбору и систематизации рукописного материала. В связи с предстоящей передачей документов и библиотеки Российской Академии наук П. Н. Тургенев выдвинул пожелание как можно скорее издать эти документы, чтобы они сделались достоянием русской науки.

Позднее в письме, адресованном Фомину, П. Н. Тургенев официально обратился к нему со следую-

щей просьбой: «Посылаю Вам письма и бумаги моего отца, имею честь просить Вас привести их в порядок и приготовить для напечатания то, что представляет интерес, а оригиналы прошу передать в Библиотеку Академии наук».

Рукописи и книги, высланные П. Н. Тургеневым в Петербург, хранились вначале в Коммерческом училище, директором которого был Фомин. Попытка последнего договориться с Академией наук о передаче ей архива и библиотеки Н. И. Тургенева окончилась неудачей. Подобное положение продолжалось вплоть до 1907 года, когда, наконец, этот вопрос был решен положительно. Фомин был назначен одним из членов комиссии по разбору архива Тургенева и избран членом Отделения словесности и языка Российской Академии наук. Ему было поручено договориться с Петром Николаевичем о передаче и других материалов его отца Академии наук. С этой целью Фомин в 1907 году был командирован во Францию; после этого он еще трижды побывал в Париже. Последняя поездка состоялась в августе 1912 года. Фомин благополучно доставил в Петербург архив, а также библиотеку Н. И. Тургенева.

Весь этот богатейший рукописный и книжный материал в первое время был сосредоточен в Коммерческом училище, в кабинете Фомина. Здесь же происходила его первичная обработка — составление описей, на основе которых архивные документы и книги передавались затем в рукописный отдел Библиотеки Академии наук, где они и находились в последующие восемнадцать лет. В начале 1930-х годов архив Н. И. Тургенева и основная часть его библиотеки (около 1200 книг) были переданы в Пушкинский дом. Часть книг осталась в Библиотеке Академии наук. Из полученного Пушкинским домом

книжного собрания свыше тридцати изданий было послано в Московский университет. Таким образом, состав этой библиотеки не полон.

Следует иметь в виду и то, что наследники Петра Николаевича очень щедро одаривали книгами близких друзей семьи Тургеневых. Возможно, в числе этих лиц оказался и сам А. А. Фомин, продолжавший поддерживать контакт с наследниками сына декабриста. Не исключено, что П. Н. Тургенев, проникнувшись доверием к Фомину, подарил ему книги из библиотеки отца.

Косвенным подтверждением этой версии могут служить упоминаемые в отчете А. А. Фомина два ящика с книгами, привезенные им после первого посещения Петра Николаевича в 1904 году. Впоследствии к этой коллекции, вероятно, были присоединены и другие издания, подаренные Фомину наследниками Н. И. Тургенева. О возможности этого говорит то количество книг, которое было приобретено у падчерицы Фомина В. А. Обручевой; оно явно превышает объем двух ящиков.

Обращает на себя внимание и другой, важный, с нашей точки зрения, факт, связанный с содержанием коллекции книг Н. И. Тургенева, находившихся в личной библиотеке А. А. Фомина. В эту подборку входят весьма ценные отечественные и зарубежные издания, многие из которых содержат дарственные надписи их авторов, пометки, принадлежащие Н. И. и И. А. Тургеневым. Ясно, что эти книги специально отбирались из массы других изданий, хранившихся в парижской квартире П. Н. Тургенева и на вилле Вербуа. И отбирал их с разрешения наследников, безусловно, сам Фомин. Затем они были доставлены в Петербург и включены в состав его домашней библиотеки. Именно эти издания, став-

шие собственностью Фомина, со временем перешедшие по наследству к его падчерице — В. А. Обручевой, и приобрела Библиотека Академии наук.

После того как из этого собрания были выделены личные книги Фомина, которые опознавались по надписям и печатям их владельца, издания, принадлежавшие Н. И. Тургеневу (около 400 книг, журналов и альманахов), стали доступны для обозрения и изучения.

В собрании Н. И. Тургенева, куда вошли также книги, принадлежавшие его брату Александру Ивановичу, значительное место занимают отечественные и иностранные издания по истории, философии, политическим и экономическим учениям, юридическим наукам, географии. Сохранились также первопечатные произведения Крылова, Жуковского, Пушкина, Гоголя, И. Тургенева и других русских писателей и поэтов. Многие из них имеют теплые дарственные посвящения.

Посылая «Записки охотника», И. С. Тургенев оставил на титульном листе следующую надпись: «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак искреннего и глубокого уважения от автора». На первом томе стихотворений В. А. Жуковского (1824) читаем посвящение Александру Ивановичу Тургеневу: «18 марта 1824. Друг! На земле прекрасное не тщетно!». Ему же подарил поэт напечатанное в 1831 году двухтомное издание «Баллады и повести» с краткой, но выразительной надписью: «Золотой арфе от Светланы» — под этими условными именами значились Тургенев и Жуковский в «Арзамасском обществе». Вручая А. И. Тургеневу четвертое издание своих стихотворений (1835), Жуковский сопровождал его такими словами: «Другу Тургеневу. На память всего что было от 1797 до 1834. От Жуковского».

«Александра Ивановича Тургенева просит о воспоминании Дельвиг» — этот автограф поэта сохранился на альманахе «Северные цветы» на 1828 год. С выражением признательности к Н. И. Тургеневу С. Д. Полторацкий подарил ему свою брошюру о Г. Р. Державине (1855): «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак памяти, любви и искреннего почтения. С. П.».

На книгах братьев Тургеневых имеются также автографы А. Герцена, П. Вяземского, И. Дмитриева, Ф. Глинки, Н. Павлова, И. Бичурина, П. Долгорукова, И. Лопухина, И. Мятлева, П. Бартенева, А. Ламартина, И. Шнитцлера, К. Варнгагена, Э. Свенденборга и других русских и зарубежных писателей, ученых и общественных деятелей.

Многие издания содержат заметки в текстах и на полях, оставленные Н. И. и А. И. Тургеневыми. Они имеют немалое значение при изучении литературного, эпистолярного и мемуарного наследия братьев Тургеневых, которое, кстати сказать, еще до конца не учтено и не опубликовано.

Некоторые книги, как свидетельствуют надписи на них, принадлежали Андрею — одному из братьев Н. И. Тургенева, жене декабриста Кларе, их сыновьям Альберту и Петру, дочери Фанни. Особую ценность в этой коллекции представляют книги, некогда входившие в библиотеку Ивана Петровича Тургенева — отца братьев Тургеневых, — и среди них редчайшее издание сочинения А. Г. Ванделенкура «Правила мудрости» в переводе И. П. Тургенева (М., 1797).

Одно только перечисление редких и замечательных по содержанию книг из коллекции Н. И. Тургенева заняло бы значительное место. Мы ограничимся лишь кратким упоминанием нескольких изданий,

в том числе периодических, для того чтобы дать представление о научной ценности собрания. Это произведение Герцена, его сборники «Полярная звезда» и книги других авторов, напечатанные Вольной русской типографией в Лондоне, а также издания бесцензурной русской печати, появившиеся в 50—60-х годах XIX века за границей, отечественные журналы конца XVIII века, альманахи 20—30-х годов, среди которых сохранились и декабристские издания.

Несомненную ценность для исследователей — и особенно пушкинистов — представляет «Литературная газета» А. А. Дельвига, которую А. А. Фомин еще в 1914 году передал Пушкинскому дому. Вспоминая о том, как было найдено это издание, Фомин в брошюре «К вопросу об авторах неподписанных статей в «Литературной газете» 1830 года и статья Ал. С. Пушкина об Ив. В. Киреевском по поводу его обзора русской литературы» писал: «Как-то, во время работ в Париже, в архиве П. Н. Тургенева, я разбирался на чердаке под железной крышей, при температуре, доходившей на улице до 40—42° по Реомюру, в горах газет, журналов и переплетенных книг. Среди них то и дело попадались издания с автографами, заметками, а иногда и даже целые тетради рукописей...

Там же оказался экземпляр «Литературной газеты» 1830 года — тот самый экземпляр, о котором П. Ан. Вяземский писал Ал. Ив. Тургеневу 25 апреля 1830 года: «Посылаю тебе, любезнейший друг, от Дельвига его «Газету» и седьмую песню «Онегина». В «Газете» означил я имена авторов над некоторыми статьями».

Как известно, эти номера «Литературной газеты» П. А. Вяземский высылал из Петербурга А. И. Тургеневу, находившемуся в то время за границей.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходящая
через
каждую пятницу

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданию,
составляющему изъ 78-ми
№., въ С. П. В. 55 руб.
въ пересылкой и рознич-
ной 40 рублей.

Въ Феврѣлѣ Газета выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среда), — 10-го (въ Понедѣльник), —
15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвертъ), и 25-го (въ Вторник).

К И Р Г И З Ц Ы.

(Отрывокъ изъ повести: *Ахубъ-Батаыръ*,
соч. А. П. Крюкова.)

Повесть, изъ которой здѣсь предлагается отрывокъ, написана наизъ тому нѣсколько лѣтъ. Авторъ желалъ изобразить въ ней нравы, обычаи, суевѣрія и обряды достопримечательнаго народа, который, живущи съ нами въ весьма тѣсной связи, не только

Яковъ. Она сдѣлала привѣтствіе Султану и стариканъ, по Киргизскому обычаю, обѣ руки на грудь, склонивъ всѣмъ тѣломъ и сказавъ: *ассалау-малыкыма* (т. е. желаю здоровья). Въ стариканъ отъ извѣстнаго и прощаніе: *малыкыма-саламъ*. Потомъ молодой человѣкъ пошелъ у всѣхъ руки обвѣсивъ своими руками съ извѣстнаго глубочайшаго почтенія и занявъ приличное мѣсто. Что, Ахубъ, спросилъ его Нурали: «осматривалъ ли лѣзъ наши степи?» — «Осматривалъ, степенный Султанъ! все, слава Богу, благополучно. Тѣмъ любимая кобыла принесла тѣнное жеребенка. Съ верблюдами и овцами сильна множеству шерсти. Только

«Литературная газета» — издание А. А. Дельвига. Из библиотеки П. Н. Тургенева.

«Экземпляр «Литературной газеты», о котором здѣсь идетъ рѣчь, — писал Фомин, — вклеен въ обложку из серой оберточной бумаги и заключаетъ въ себя только № от 1 до 23-го включительно; т. е. все, что вышло къ тому времени из печати и что могъ тогда послать Вяземскій Ал. Ив. Тургеневу...

Петр Николаевичъ обыкновенно самъ и за свой счетъ отправлялъ въ Россію все отобранные мною материалы, несмотря на то что иногда количество ихъ доходило до 10—12 большихъ ящиковъ.

Отправкѣ предшествовала его последняя ревизія, въ результатѣ которой то одно, то другое въ Россію не отправлялось. Бывало, однако, что въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ приѣздовъ въ Парижъ, эта, застрявшая тамъ

рукопись или книга, снова попадалась мне, снова, конечно, откладывалась мною «для России» и иногда уже благополучно проходила через последнюю ревизию Петра Николаевича...

На этот раз, имея в виду крайне невзрачный внешний вид «Литературной газеты» и, следовательно, очень большие шансы на быструю гибель ее, я попросил Петра Николаевича отдать газету лично мне: это давало мне право взять ее тотчас же с собой, независимо от остальных документов. Я получил согласие, и, таким образом, этот экземпляр «Литературной газеты» все-таки вернулся в Россию.

Более близкое исследование этого литературного документа показало, что заключающиеся в нем, на вид — мелкие и немногочисленные карандашные заметки представляют, тем не менее, большую историческую ценность».

Эти пометки, количество которых достигает 30 (28 — принадлежат Вяземскому, 2 — А. И. Тургеневу), имели своей целью раскрыть авторство художественных произведений, критических статей и заметок, опубликованных анонимно в «Литературной газете». Все они были приведены Фоминым в упоминаемой выше его брошюре.

Но ценность помет П. А. Вяземского заключается не только в том, что они подтвердили авторство тех или иных сотрудников «Литературной газеты», установленное ранее исследователями на основе иных свидетельств и архивных документов. Главное их значение состоит в том, что они дали возможность определить ранее неизвестных авторов неподписанных статей.

Так, одна из заметок Вяземского указала на принадлежность А. С. Пушкину критической статьи, посвященной альманаху М. Максимовича «Денница» за

1830 год, — она была опубликована в 8-м номере «Литературной газеты». Впервые эта статья за подписью А. С. Пушкина была перепечатана Фоминым в журнале «Нива» (1914, № 22).

Основное содержание статьи Пушкина — разбор напечатанного в альманахе «Денница» критического «Обозрения русской словесности 1829 года», принадлежащего перу молодого автора Ивана Васильевича Киреевского.

«В сем альманахе, — писал Пушкин, — встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть «Обозрение русской словесности 1829 года», сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гёте, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в «Московском вестнике» и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, «Обзор» г. Киреевского сделает большое впечатление не потому, что мысли в нем зреее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно».

Пушкин оказался прав. «Обозрение» Киреевского действительно вызвало интерес у любителей и ценителей русской литературы. Получив 8-й номер «Ли-

тературной газеты» и прочитав в ней статью Пушкина, А. И. Тургенев писал 2 июня 1830 года П. А. Вяземскому: «Кто таков Киреевский? Пришлите мне скорее его обозрение в «Деннице». Не сын ли он приятельницы Жуковского? Не он ли будет жить или уже живет в Мюнхене? Высылайте его скорее в Европу: дайте ему дозреть!»

Иван Васильевич Киреевский — философ, публицист и критик, один из видных представителей славянофильского движения 40—50-х годов прошлого века. Вместе со своим братом Петром (впоследствии известным собирателем фольклора) он получил основательное домашнее образование, которое завершил в Германии. В московском доме их матери Авдотьи Петровны Елагиной (урожденной Юшковой) собирались выдающиеся русские писатели и ученые.

Братья Киреевские были внучатыми племянниками В. А. Жуковского, который оказал значительное влияние на их развитие.

С именем И. В. Киреевского связано еще одно издание, сохранившееся в коллекции Н. И. Тургенева. Это журнал «Европеец». Разрешение на его издание было получено Киреевским в конце 1831 года. Узнав о намерении московских литераторов создать новый ежемесячный журнал наук и словесности, Пушкин писал 18 ноября 1831 года Н. М. Языкову: «Поздравляю всю братию с рождением «Европейца». Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами по совести и против совести». Вместе с Пушкиным изъявили свою готовность участвовать в журнале московские и петербургские писатели: Жуковский, Баратынский, Языков, Хомяков и другие.

Первый номер «Европейца» вышел в свет в январе 1832 года. Он открывался программной статьей издателя «Девятнадцатый век», которая должна была

ЕВРОПЕЕЦЪ.

1832.

Я Н В А Р Ъ

N 1.

	Стран.
I. Деятнадцатый Вѣкъ.	3
II. Сказка о Спящей Царевнѣ, (В. А. Жуковского).	24
III. О Императорѣ Іуліанѣ (сов. Вильменн).	33
IV. Нѣсколько словъ о словѣ Вильменн.	48
V. Элегія. (Е. А. Баратынскій).	52
VI. Чернецъ (Повесть).	53
VII. Е... А... С... (Н. М. Языкова).	85
VIII. Ау! (Н. М. Языкова).	86
IX. О картинной выставкѣ въ Парижѣ. Отрывки изъ письма Гейне.	90
X. КРИТИКА:	
а.) Обзоръ Русской Словесности за 1831 годъ	
б.) Письма Бёрне изъ Парижа.	102
XI. Свѣдѣн. а.) Литературныя Новости. б.) Сѣверо- Американскій Сенатъ. с.) Изъ Жанъ-Поля. d.) Горе отъ Ула на Московскомъ Театрѣ. е.) Пись- мо изъ Лондона.	124

печататься с продолжением в последующих втором и третьем номерах. Основные положения общественно-литературной декларации Киреевского заключались в его утверждении о необходимости рассматривать русскую историю и просвещение в связи с общеевропейским развитием. И если прошлое России, по словам автора, было оторвано от общего хода всемирно-исторического развития, то в XIX веке появилась настоятельная потребность в усвоении современных прогрессивных влияний в европейском общественном и литературном процессе.

Вероятно, не без помощи Бенкендорфа, который располагал доносом Булгарина, обратившего внимание шефа жандармов на крамольное содержание журнала Киреевского, «Европеец» попал в руки Николая I. Разгневанного самодержца возмутила не только статья Киреевского «Девятнадцатый век», в которой он увидел недозволенные рассуждения автора о высшей политике. Николай I прочел и статью «„Горе от ума“ на Московском театре», содержащую, по его словам, «самую неприличную и непристойную выходку насчет находящихся в России иностранцев».

Суммируя замечания Николая I, Бенкендорф писал министру просвещения, в ведении которого находилась цензура: «Его величество о сих замечаниях своих повелел мне сообщить Вашей светлости о том, чтоб Вы изволили обратить законное взыскание на цензора, пропустившего означенную книжку «Европейца», и дабы издание этого журнала было на будущее время воспрещено, так как издатель г. Киреевский обнаружил себя человеком неблагомыслящим и неблагонадежным».

Итак, журнал «Европеец» был запрещен. Стара-ния В. А. Жуковского спасти и оградить от царского

гнева Киреевского, которому угрожала ссылка, ни к чему не привели. При личном свидании с Николаем I поэт попытался убедить императора в невиновности Киреевского. На заявление Жуковского о том, что он ручается за своего племянника, Николай I холодно ответил: «А за тебя кто поручится?»

Участь «Европейца», о котором Пушкин писал, что по сравнению с предшествующими изданиями он, кажется, впервые соединил «деятельность с заманчивостью», была решена. Читатели успели получить только два номера. Но пока шла бюрократическая переписка по цензурным инстанциям, в типографии набирался третий номер «Европейца». Запрещение прервало его печатание на 402-й странице.

Киреевскому удалось спасти от уничтожения несколько книжек третьего номера, которые он разослал своим друзьям. Один из них издатель вручил находившемуся в то время в Москве Александру Ивановичу Тургеневу. Все три номера «Европейца», заключенные в один переплет, впоследствии вместе с архивом и библиотекой А. И. Тургенева по его завещанию перешли во владение Н. И. Тургенева, а затем его сын подарил их А. А. Фомину.

В настоящее время в библиотеке Пушкинского дома хранятся два полных комплекта «Европейца». Второй экземпляр журнала ранее принадлежал известному библиофилу М. Н. Лонгинову. Большой знаток и ценитель редких изданий, М. Н. Лонгинов оставил на своем экземпляре «Европейца», подаренном ему И. В. Киреевским в 1859 году, следующую пространную надпись:

«Журнал этот очень редок. По выходе № 2-го «Европейца» издатель его И. В. Киреевский получил через московскую цензуру уведомление о запрещении оно́го. Причинами тому были приведенные в бу-

маге, полученной от графа Бенкендорфа, некоторые выражения в статьях «Европейца». 1) В статье «Деятнадцатый век» предполагалось, что разум — означает свободу, успех — революцию, а искусственно отысканная середина — конституцию. 2) В статье «„Горе от ума“ на Московском театре» последний параграф, на стр. 140 и 141, найден оскорбительным для остзейского дворянства.

Величайшую редкость составляет первая половина № 3-го, уже отпечатанная до стр. 402, когда пришло запрещение журнала. Поэтому отпечатанные листы № 3-го никогда не были выпущены в свет.

И. В. Киреевский послал два вышедших номера «Европейца» Сергею Григорьевичу Голицыну... с надписью: «Князю С. Г. Г., чтобы показать, что значит промах» (ибо журнал был запрещен).

Голицын по прочтении журнала отвечал:

Недаром запрещен журнал:
Ты много высказал в двух томах
И, промахнувшись, доказал,
Что малый ты не промах».

Мы рассказали только о двух примечательных изданиях из собрания Н. И. Тургенева. Сохранилось же их значительно больше. Они ждут своих исследователей, которые помогут нам узнать многие любопытные факты, связанные с библиотекой Тургенева, историей отечественного книгопечатания и русской журналистики.

М. ГОРЬКИЙ — ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Максим Горький принадлежал к тем выдающимся деятелям русской культуры, для которых были понятны и очень близки цели и задачи Пушкинского дома. Постоянная поддержка, оказываемая Горьким Пушкинскому дому в первые годы Советской власти, содействовала укреплению авторитета молодого академического учреждения.

Писатель высоко ценил Пушкинский дом как основательную научную базу для изучения классического наследия и старался всемерно приумножить его богатейшие фонды. Горький был одним из щедрых даропринесителей. Кроме того, он активно способствовал передаче Пушкинскому дому многих материалов, хранившихся у частных владельцев.

В первые годы революции сотрудники Пушкинского дома часто обращались к Горькому с просьбой — помочь получить средства для приобретения той или иной коллекции.

В конце 1918 года в Симбирск был послан научный сотрудник дома М. Д. Беляев. «По приезде сюда, — сообщал он в Пушкинский дом, — я с большим нахальством взялся за охрану местных архивов, причем сразу же набрел на некоторые материалы, небезынтересные для Пушкинского дома». В следующем письме, адресованном Б. Л. Модзалевскому, он

сообщал: «Здесь разбирают библиотеку Анненкова. Что в ней особенно интересно для Пушкинского дома? И что пытаться выцарапать?»

Убедившись на месте в неудовлетворительной охране библиотеки и архива известного русского критика и мемуариста Павла Васильевича Анненкова, Беляев через три недели вновь сообщил в Пушкинский дом: «Я направился в здешнюю Центральную Библиотеку и нашел значительную часть библиотеки П<авла> Вас<ильевича>. Другая часть книг, по слухам, должна находиться в помещении уездного Исполнительного комитета, но имеются ли они в действительности и в каком виде, еще не знаю, так как для визита туда поджидал еще одного сертификата московского, который возвел меня в звание эmissара Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, каковое звание позволяет мне вмешаться в это не совсем мое дело. Конечно, я буду распинаться за передачу всей библиотеки Пушкинскому дому, но еще не выбрал окончательного пути к этому. Думаю, однако, что опять не обойтись без А. М. Пешкова».

Последующие письма М. Д. Беляева в Пушкинский дом дают нам возможность судить о содержании его переписки с писателем. Она касалась в основном одного вопроса — изыскания денежных средств для быстрого приобретения архивных материалов и книжной коллекции, обнаруженных в Симбирске.

В письме Б. Л. Модзалевскому от 26 января 1919 года он сообщал: «Думаю... что опять не обойтись мне без А. М. Пешкова и А. В. Луначарского. Что бы Вы и Нестор Александрович (Котляревский. — Авт.) сказали на то, если б я как совершенно частный человек вдохновил сих мужей на новую субсидию, а так-

же на давление свыше в пользу передачи всех материалов по Пушкину и его современникам Дому, как центральному хранилищу и на извлечение их для этой цели отовсюду, где бы они ни находились (по крайней мере из провинции). Я знаю Ваш пуризм, но, мне кажется, дело можно было бы обстроить так, что с Вашей стороны потребовалось бы лишь одно непротивление. Хочу обменяться с Алексеем Максимовичем самыми предварительными на этот счет мыслями, а Вас очень прошу написать, насколько этот план согласен с общей Вашей политикой, и обещаю до получения ответа не предпринимать решительных шагов».

Получив ответное письмо, Беляев известил Б. Л. Модзалевского о том, что он воспользовался разрешением Пушкинского дома и обратился к Алексею Максимовичу с просьбой выхлопотать средства для приобретения накупанных им материалов, среди которых имелись четыре письма Пушкина, письма Тургенева, декабриста Ивашева и другие архивные и книжные материалы.

В следующем письме от 14 марта 1919 года Беляев спешил поставить в известность руководство Пушкинского дома о том, что, по имеющимся у него сведениям, существует план вывоза писем Тургенева во Францию. «Я со своей стороны, — продолжал он, — просил не продавать их, не сказавши мне, а сам написал истерическое письмо А. М. Пешкову, прося денег, денег и денег. Думаю, что это дело не совсем безнадежное; в последнем письме он и сам предлагал мне хлопотать об ассигнованиях. Пока что я, с согласия владелицы, снимаю с писем точные копии».

Непосредственные контакты сотрудников Пушкинского дома с Горьким не ограничивались только обращениями к нему за помощью в приобретении

документальных и книжных коллекций. Нередко писатель сам выступал инициатором и посредником в передаче литературно-исторических реликвий Пушкинскому дому.

Одним из ценнейших даров Горького явились рисунки Т. Г. Шевченко, которые он передал Пушкинскому дому в 1919 году. Через год он подарил альбом А. Е. Шиповой, принадлежавший Комаровским, потомкам поэта Веневитинова. В этом рукописном альбоме находились автографы стихотворения Пушкина «Муза» и многих других известных русских и зарубежных писателей, общественных деятелей и ученых XVIII и первой половины XIX века.

Принимая этот драгоценный подарок от А. М. Горького, директор Пушкинского дома Н. А. Котляревский писал:

«Многоуважаемый Алексей Максимович!

Прошу Вас принять выражение искренней благодарности от имени Пушкинского дома при Российской Академии наук за принесенный Вами в дар Пушкинскому дому высокоценный альбом Анны Евграфовны Шиповой, который будет украшением рукописного отдела Дома».

Благодаря настойчивому содействию Горького Пушкинскому дому удалось приобрести также письма Пушкина к Геккерену.

Подтверждением дружеского отношения Горького к Пантеону русской литературы, высокой оценки собирательской и научной деятельности академического учреждения явилась передача писателем в 1918 году своего личного архива в рукописный отдел Пушкинского дома, который до того хранился в его квартире на Кронверкском проспекте (ныне пр. Горького, 23).

Вместе с рукописями Горького в рукописный отдел Пушкинского дома стали поступать документы,

связанные с общественной деятельностью писателя, в частности выписка из протокола заседания Отделения русского языка и словесности от 25 сентября 1920 года, в которой говорилось следующее: «Постановлено: дело об избрании в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) передать на хранение в Пушкинский дом».

Писатель собирался со временем сосредоточить в Пушкинском доме весь свой архив. 30 марта 1926 года Горький официально обратился в Академию наук СССР со следующей просьбой:

«Президиуму Академии наук. Сим убедительно прошу Высокопочтенных членов Президиума Академии наук исполнить мою, — надеюсь вполне законную и легко осуществимую просьбу. Незадолго до отъезда моего из России, мною часть архива моего была передана в Государственную Публичную библиотеку. Ныне я просил бы передать эту часть архива в дом А. С. Пушкина, куда вскорости будет переслан из Берлина и весь мой архив.

Надеюсь на скорое исполнение этой моей просьбы. Шлю Президиуму почтительный привет».

Горький не только сам выражал желание передать свой архив Пушкинскому дому, он неоднократно призывал последовать его примеру и других советских писателей.

К нему часто обращались владельцы рукописных, книжных коллекций и музейных предметов. Они просили у него совета о возможности передачи (безвозмездно или за определенную сумму) находившихся у них мемориальных вещей в соответствующие учреждения. И Горький в зависимости от ценности того или иного историко-литературного собрания часто рекомендовал им снестись непосредственно с Пушкинским домом.

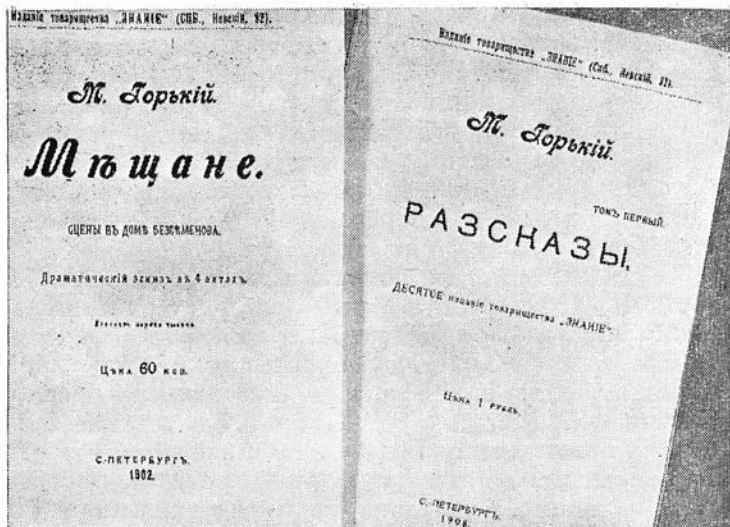
10 октября 1918 года в Пушкинский дом обратился Д. Г. Милованов, который сообщал, что он владеет столом с надписью: «Стол поэта Н. А. Некрасова, купленный на аукционе 21 февраля 1878 года». Объясняя обстоятельства, заставившие его обратиться к Б. Л. Модзалевскому, он писал: «Настоящий стол предлагаю Вам приобрести с указанием, когда я могу Вас лично видеть для переговоров, так как я занят на службе с 10 час. утра до 5 час. дня...

Обращаюсь к вам по указанию писателя А. М. Горького, у которого я был 6 октября, он мне предложил обратиться к Вам от него лично».

Назначенный на пост председателя экспертной комиссии, созданной в январе 1919 года по предложению Л. Б. Красина, А. М. Горький в течение двух лет вел ответственную работу по выявлению и учету национализированных художественных ценностей государственного значения, скопившихся на складах упомянутой комиссии в Петрограде.

Недавно обнаруженная переписка А. М. Горького с В. И. Лениным и внешнеторговыми организациями молодого Советского государства раскрыла еще одну сторону необычайно разносторонней по своим масштабам общественной деятельности писателя в первые годы революции. Как свидетельствуют опубликованные документы, Пушкинский дом неоднократно обращался в экспертную комиссию с просьбой о передаче ему картин, портретов, скульптур и книг для пополнения своих коллекций. При непосредственном содействии Горького эти материалы передавались на хранение в Пушкинский дом и другие советские музеи.

Особое место в библиотеке Пушкинского дома занимают книги, подаренные Горьким Институту русской литературы. Они составили небольшую биб-

Книги из библиотеки М. Горького.

лиотеку, которая систематически пополнялась писателем в 1920 — начале 1930 года. «Последние годы, — сообщал Горький И. А. Груздеву 7 декабря 1926 года, — я посылаю книги в Пушк<инский> дом, часть архива тоже там. Пушк<инский> дом в лице М. Д. Беляева довольно аккуратно извещает меня о получении моих посылок».

Находясь в Италии, Горький часто сам по почте или через Акционерное общество «Международная книга» отправлял в Пушкинский дом переводы своих сочинений на иностранные языки, а также произведения, подаренные ему зарубежными писателями.

«По просьбе А. М. Пешкова (М. Горького)... — извещало Пушкинский дом 10 декабря 1925 года Ак-

ционерное общество «Международная книга», — провожаем Вам через Северо-Западное областное отделение «Международной книги»... 4 книги сочинений Алексея Максимовича на разных иностранных языках в дар для Пушкинского дома. Получение означенных книг не откажите подтвердить непосредственно по адресу: «A. Pechkoff, Villa Galotti Posilippo Napoli, Italia».

В 1926 году Горький прислал в Пушкинский дом собственный именной экземпляр книги, посвященной 60-летию Романа Роллана, которая была издана одновременно в Цюрихе и Лейпциге в том же 1926 году под названием «Книга друзей Романа Роллана... Эту книгу подготовили к печати Максим Горький, Жорж Дюамель, Стефан Цвейг».

Мысль об издании подобного сборника ко дню рождения французского писателя возникла в начале 1925 года. Сообщая об этом Горькому, С. Цвейг писал: «Итак: 29 января 1926 г. нашему великому Роману Роллану исполняется 60 лет. Мы готовим к этому дню адрес в виде книги, в которой будут собраны поздравления всех великих писателей и художников, считающих себя его друзьями.

Издатель найден. Теперь дело заключается в том, чтобы специальным письмом пригласить авторитетных лиц. Но письмо должно быть подписано комитетом, состоящим из друзей Роллана. Подпишут от имени Франции — Жорж Дюамель, от имени Германии — Герман Гессе, от Австрии — я, и мы просим поставить под письмом и Ваше имя».

Как видно из дальнейшей переписки Горького с Цвейгом, он охотно согласился принять участие в подготовке книги-адреса. Правда, вначале Горький высказал мнение о том, что его участие в организационном комитете «может создать некоторые недо-

разумения» в отношениях с известными русскими писателями-эмигрантами, которые из-за враждебного отношения к нему не подпишут адрес, а создадут другой — свой».

Но Цвейг постарался разубедить Горького. «Ваша книга о Ленине, — писал он 9 марта 1925 года, — с предельной ясностью показывает всякому, кто хочет видеть, Вашу глубокую человеческую симпатию к этому великому революционеру, но, увы, людей ослепляет ненависть, и они не желают видеть правды... Ваши произведения, особенно последние, дышат такой светлой человечностью, так глубоко правдивы, что всякая клевета, которая обрушилась бы на Вас, все равно разбилась бы об эту ясность Вашего сердца...

Итак, у меня есть Ваше согласие на случай, если наш план реализуется. Мы еще не вполне уверены в том, что нам удастся его осуществить. Скромность Р. Роллана столь велика, что мы даже самым интимным обращением к нему боимся задеть ее».

Обращение с призывом создать книгу, посвященную Р. Роллану, подписанное Горьким вместе с европейскими писателями, получило широкий отклик. «Лучшие люди во всех странах радостно откликнулись на наш призыв и прислали слова приветов нашему великому другу, — сообщал Цвейг Горькому в сентябре 1925 года. — Несомненно успеху содействовало то, что под воззванием стояло Ваше имя. Теперь, дорогой и великий Горький, не забудьте сами прислать нам строки, страницу или же несколько страниц для этой книги: Ваше сердце подскажет Вам, какие слова сказать Роллану».

И Горький сказал свое слово. Он написал для сборника проникновенную статью о крупнейшем писателе современности, замечательном художнике-гу-

манисте, страстном борце за человеческое счастье — «О Ромене Роллане». Одновременно Горький решает посвятить ему завершённую к тому времени повесть «Дело Артамоновых», которая была издана в 1925 году. Такова краткая история одной из многих книг, подаренных Горьким Пушкинскому дому.

Дружеские связи между Цвейгом и Горьким, установлению которых, кстати сказать, способствовал Р. Роллан, продолжались до смерти Горького. Многолетняя переписка, начавшаяся в 1923 году, свидетельствует об их глубокой, искренней симпатии друг к другу. Цвейг высоко ценил Горького как великого советского писателя. Он считал его непревзойденным мастером слова, одним из гениальных художников-реалистов XX столетия, оказавшим огромное влияние на развитие мировой литературы. «Максиму Горькому с огромной благодарностью и глубоким уважением» — с таким посвящением Цвейг издал в 1928 году книгу «Три певца своей жизни — Казанова, Стендаль, Толстой».

В свою очередь Горький восторженно отзывался о произведениях известного австрийского писателя — страстного антимилитариста, преданного друга Советской России. «Очень хороший, скромный и талантливый человек, тонко разбирается в наших делах и вполне искренно симпатизирует «волшебной» работе Соввласти», — писал Горький о Цвейге после одной из встреч с ним в Сорренто.

В 1928 году Цвейг посетил Советский Союз. Он принял участие в праздновании столетия со дня рождения Л. Н. Толстого. О своих впечатлениях, связанных с посещением Страны Советов, писатель рассказал австрийским читателям. «Я опубликовал в газетах мои впечатления о поездке по России, через несколько дней пришлю их Вам... — писал Цвейг

Горькому 6 ноября 1928 года. — Могу сказать, что мои статьи произвели очень хорошее впечатление именно потому, что в них факты только констатируются, а не обсуждаются. И еще потому, что в них я подчеркиваю героизм русских в течение этих лет».

Некоторое время спустя статьи Цвейга были изданы в Вене отдельной брошюрой («Путешествие в Россию»). Одну из них он подарил Горькому. В настоящее время она находится среди книг, присланных писателем в Пушкинский дом. На ее титульном листе теплое посвящение Горькому: «Максиму Горькому это издание с любовью. Стефан Цвейг. Смотри стр. 20». На странице, указанной Цвейгом, находится начало его очерка «Посещение Горького», у которого он побывал в Москве в 1928 году.

Среди книг на французском языке, поступивших в Пушкинский дом от Горького, — произведение А. Барбюса «Палачи», изданное в Париже в 1926 году. Автор острой публицистической книги-памфлета, направленного против фашизма, прислал ее писателю с надписью: «Максиму Горькому от всего сердца, Анри Барбюс». Наряду с обширной перепиской Барбюса с Горьким, его статьями о советском писателе и статьями Горького о знаменитом французском писателе-коммунисте, художнике и общественном деятеле, эта небольшая, в скромной обложке книга с искренним посвящением является еще одним свидетельством идейной близости и дружеских отношений между выдающимися мастерами слова.

«Максиму Горькому — преданная Сибилла Алерамо», «Максиму Горькому от душевно преданной Сибиллы Алерамо» — с такими дарственными надписями итальянская писательница подарила Горькому две книги — «Своей первой любви» (1924) и «Люблю — значит существую» (1928).

Горький познакомился с Сибиллой Алерамо и ее мужем поэтом Джованни Чена в 1907 году. «Славные, простые, добрые люди», — сообщал он о своих новых итальянских друзьях К. П. Пятницкому. Многолетняя дружба, неоднократные встречи и беседы нашли отражение в переписке, в воспоминаниях и статьях С. Алерамо о М. Горьком.

Из коллекции книг, подаренных Горьким Пушкинскому дому, можно выделить целую подборку изданий на итальянском языке. К ним относятся переводы произведений Горького, критические статьи о его творчестве, а также издания произведений итальянских писателей и поэтов, на большинстве из которых имеются автографические посвящения М.-А. Джойа, Э. Феличи, Ч. Кастелли, У. Бьянко и других.

Можно было бы перечислить еще десятки наименований книг и журналов на итальянском, французском, немецком, чешском, болгарском, венгерском и других языках, упомянуть их авторов, переводчиков, критиков, которые дарили Горькому свои произведения, но и приведенных примеров достаточно для того, чтобы убедиться в большой культурной ценности собрания горьковских книг.

Для тех, кто занимается изучением переводов сочинений Горького и критических работ о его творчестве на иностранных языках, это собрание является важнейшим источником. Но научное и познавательное значение коллекции этим не ограничивается. Книжки Горького и особенно разнообразные периодические издания дают возможность судить о широте его читательских интересов, о дружеских и творческих контактах писателя с зарубежными деятелями литературы.

Несомненную редкость представляют также предисловия, специально написанные Горьким к перево-

дам произведений Н. С. Лескова «Очарованный странник», А. Н. Андреева «Сашка Жигулев», С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение» к собственной драме «Старик», изданных в Америке в 1924—1926 годах.

О том, что Горький придавал важное значение этим переводам, говорят его письма, адресованные ученому секретарю Пушкинского дома М. Д. Беляеву. Вслед за книгами, отправленными в ноябре 1926 года в Ленинград, он писал, обращаясь к Беляеву: «Получили ли английские переводы Лескова, Ценского, Андреева с моим предисловием?..» И когда Пушкинский дом вовремя не известил писателя о получении этих изданий, обеспокоенный Горький вновь написал Беляеву 15 декабря 1926 года: «Очень огорчен я тем, что переводы Лескова, Андреева не получили, послал я их давно, задолго до С.-Ценского. Боюсь, что эти книги потерялись». Однако беспокойство было напрасным. Задержавшиеся в пути книги вскоре поступили в Пушкинский дом и пополнили собрание Горького.

В марте 1935 года М. Горький был назначен директором Института русской литературы. Этот почетный пост писатель занимал до последних дней своей жизни.

...Мемориальная библиотека Горького, насчитывающая в настоящее время около 160 книг и журналов, — безмолвный, но красноречивый свидетель любви и уважения великого писателя к Пушкинскому дому, где свято хранят память о гениальном сыне русского народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение, ф. 150.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 265, 274, 527, 29270.

Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде. С.-Петербургский цензурный комитет, ф. 777.

Беляков С. А. М. Горький в Экспертной комиссии Наркомвнешторга. — «Новый мир», 1963, № 4.

«Библиотека А. Н. Островского. Описание». Составители: Ф. В. Ильина, К. Ф. Ванягина, А. И. Бруханский. Л., 1963.

Б<огачев> Л. Д. Библиография трудов М. Н. Лонгинова. «Антиквар», 1902, № 5, 6, 7.

«Воспоминания Бестужевых». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.

«Выставка собраний А. Ф. Онегина». Л., Изд-во АН СССР, 1930.

Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца». «Русская литература», 1965, № 4.

Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., Госполитиздат, 1955.

«Горький и советские писатели. Неизданная переписка». «Литературное наследство», т. 70. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Гречнев В. Я. Горький в Петербурге—Ленинграде. Лениздат, 1968.

Данилов В. В. Дедушка русских исторических журналов («Отечественные записки» П. П. Свиньина). «Исторический вестник», 1915, т. СХІ, июль.

Данилов В. В. А. Н. Креницын. «Русская литература», 1960, № 3.

«Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии». Под ред. М. В. Нечкиной, т. ХІ. М., Госполитиздат, 1954.

Дерман А. В гостях у А. Ф. Онегина. «Огонек», 1941, № 14.

Дубровская Т. И. Коллекция книг братьев Тургеневых. Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. II. Л., 1971.

Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906.

«Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XIII. М., 1952.

Кирпичников А. Антоний Погорельский. Эпизод из истории русского романтизма. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1896.

Креницын Н. В. А. Н. Креницын. «Русский архив», 1898. № 8.

Кубасов И. А. Библиотека Пушкинского дома при Академии наук. Библиотечное обозрение, кн. 2. Пг., 1920.

Левитан И. И. 1861—1900. Воспоминания и письма. М., «Искусство», 1960.

«Исаак Ильич Левитан. Документы, материалы, библиография», ч. 1. М., «Искусство», 1966.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909.

Манасеин В. С. Библиотека декабриста М. С. Лунина. «Библиотечное обозрение и библиография», 1930, № 1—2.

Модзалевский Б. Ивановское-Козловское, Московской губ., Клинского уезда, имение княгини А. М. Козловской. «Столица и усадьба», 1917, № 79.

Модзалевский Б. А. Пушкинский дом и онегинское собрание, «Огонек», 1928, № 16.

Нерадовский П. И. Из жизни художника. Л., «Художник РСФСР», 1965.

Новский Л. (Н. Н. Луженовский). Воспоминания об А. Н. Островском. «Русские ведомости», 1887, 25 апреля.

«Остафьевский архив», т. 1. СПб., 1899.

Островский А. Н. Полное собрание сочинений, т. XI. М., Гослитиздат, 1952.

«Отечественные записки». 1818—1830.

«Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960.

«Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1959.

«Пушкинский дом при Российской Академии наук». Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924.

«50 лет Пушкинского дома». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956.

Ревякин А. И. А. Н. Островский в Щелкове. Кострома, 1957.

Сабуров А. Декабрист Г. С. Батеньков. В кн.: Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., изд. Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, 1936.

«Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году», т. II, СПб., 1862.

Семевский М. И. Библиографические заметки. А. Креницын, гр. Я. Ростовцев и В. Соколовский. «Отечественные записки», 1865, август, кн. 2.

Соболев Ю. Чехов. Статьи. Материалы. Библиография. М., «Федерация», 1930.

Сомов О. М. Обзорение российской словесности за первую половину 1829 года. Альманах «Северные цветы» на 1830 год. СПб., 1829.

«Тайные общества в России в начале XIX столетия». Сборник материалов, статей и воспоминаний. М., 1926.

Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский. Основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность 1837—1892. Библиографический очерк. СПб., 1895.

Фомин А. А. Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. СПб., 1912.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 томах, т. III. М., Гослитиздат, 1947.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, тт. XIV, XV, XVI. М., Гослитиздат, 1949.

«А. П. Чехов в воспоминаниях современников». М.—Л., Гослитиздат, 1960.

Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову. М., Гослитиздат, 1954.

Чуковский К. И. «Миша. (Предисловие к «Медвежьей охоте»)». В кн.: Некрасовский сборник. Пг., 1922.

Штрайх С. Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., «Федерация», 1930.

Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М., «Федерация», 1928.

Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском доме. «Звезда», 1969, № 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пушкинский дом. Страницы истории	5
Друзья провозвестников свободы	30
Альманах, разделивший судьбу декабристов	42
Библиотека М. Н. Лонгинова	61
Поиск	77
Собиратель пушкинских реликвий	92
Автограф А. П. Чехова	112
Дар П. Н. Тургенева	127
М. Горький — Пушкинскому дому	152
Источники и литература	165

*Анатолий Николаевич
Степанов*

У КНИГ СВОЯ СУДЬБА...

Редактор И. И. Слободжан
Художник С. Ю. Бородин
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор Т. В. Мельникова

Сдано в набор 19/VI 1973 г. Подписано к печати 11/II 1974 г.
М-28834. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2
Усл. печ. л. 7,35. Уч.-изд. л. 6,71. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 201. Цена 50 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени типография
им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57